

ВАДИМ ТАРАСЕНКО

# ФАВОРИТ ИЗ БУДУЩЕГО



СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Вадим Витальевич Тарасенко

## Фаворит из будущего

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=41981596](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41981596)*

*SelfPub; 2019*

### Аннотация

Студент Александр Чернышев воюет против захвативших Украину бандеровцев на стороне ДНР. При освобождении Дебальцево взрывом ракеты он переносится в 1761 год. Сумеет ли студент-историк изменить ход истории? Сможет предотвратить подписание позорного для России мирного договора с Пруссией после Семилетней войны? Ведь в таком случае не будет той Германии, которая развязала две мировых войны. Да и современных США тоже не будет. Но для этого необходимо стать фаворитом Екатерины Великой. Ведь в женский 18 век мужчина, чтобы присесть на краешек трона, должен был прилечь на царскую постель. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	64
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Для оформления обложки использовались бесплатные фотографии

<https://pixabay.com/photos/tank-military-war-derelict-1063755/>

<https://pixabay.com/photos/солдат-история-военный-парад-1724099/>

<https://pixabay.com/photos/тип-аттракцион-автомат-калашникова-180522/>

Все остальные элементы обложки нарисованы мной с помощью фотостока.

# Глава 1

**Днепропетровск, Днепропетровский национальный университет, 1 корпус. 29 сентября 2014 года**

Белое облако огромным парусным кораблем величаво плыло над землей. Под ним буйствовала зелень уходящего лета, исполосованная точными серыми росчерками дорог и высившимися между ними домами. Вид сверху нивелировал какое-либо превосходство в высоте этих коробок, низводя все до прямоугольников, под которыми кишела многообразная человеческая жизнь. Когда спокойная, тихая, а иногда бурлящая страстями, бьющими из окон криками и прочим эмоциональным шумом.

«Ну, сейчас начнется вой и ор свидомых», – молодой человек скользнул по облаку взглядом и мысленно подкинул серебряный рубль Екатерины Второй, давно ставший его талисманом. Конечно же, он выпал орлом! Парень набрал в грудь воздуха, будто перед нырком в воду и четко произнес:

– Таким образом, можно сделать вывод, что именно деятельность Григория Потемкина, выполнявшего указ Екатерины Второй о создании на реке Днепр третьей столицы Российской империи, явилась мощнейшим импульсом, который в итоге привел к созданию одного из крупнейших промышленных и культурных центров Украины. Будет исторически справедливо, если Днепропетровску вернется его первое на-

звание – Екатеринославль.

Слова были произнесены и упали в мертвую тишину самой большой аудитории исторического факультета Днепропетровского национального университета. Секунда и эта тишина взорвалась разноголосыми криками:

- Ганьба!
- Ватник!
- Колорад!
- Сепаратист!
- Гнать в шею!
- Москоляку на гиляку!
- Слава нации! Смерть врагам!

Усиленный динамиками голос молодого человека с трудом продрался сквозь мешанину этого ора:

– Студент пятого курса исторического факультета ДНУ Александр Чернышев доклад окончил, – он еще раз взглянул на неторопливо плывущее в голубом небесном океане облако.

«Будто линейный корабль из знаменитого Чесменского сражения. Тогда турок тоже было больше, как сейчас свидетелей. И все равно мы победили! Русские не сдаются», – до конца не сформировавшиеся мысли, подхлестнутые хорошей дозой адреналина, вскачь неслись в голове молодого человека, пока тот спускался с трибуны.

Тяжелые двери, выпустившие его из аудитории, закрывшись, разом отсекали крики и свист, которые как-то быстро

в этой стране заменили какие-либо диспуты и споры.

Коридор университетского корпуса встретил его ярким, по-летнему солнечным светом, льющимся из просторных окон. Он безжалостно обозначал на полу все потертости и выбоины каменных плиток – ремонта здание не видело уже добрый десяток лет.

Александр подошел к одному из окон и сел на широкий подоконник. Сердце, до этого гнавшее на форсаже кровь по телу, стремясь по максимуму снабдить мозг кислородом, начало понемногу успокаиваться, переходя с бешеного галопа на более размеренную рысь.

«Дружный ор бандеровцев после моего доклада это только начало. Это только цветочки. Обязательно будут и волчьи ягодки. На них эта братия очень изобретательна. Если что-то Бог не дал в одном, обязательно Дьявол добавит в другом. Если на свидомых Бог отдохнул, то Дьявол порезвился вволю», – молодой человек невольно обернулся. По нынешним меркам его мысли была самая отъявленная крамола, заслуживающая травли и избиения. Время интеллигентных споров и диспутов на Украине приказало долго жить.

– Александр! Как ты мог?! Ты же меня подставил! Я утвердил к твоему выступлению на этой конференции совсем другой доклад! – к молодому человеку буквально подлетел маленький мужчина с остатками седых волос на голове. – К чему это дон кихотство? Ты разве не понимаешь, что это борьба с ветряными мельницами?!

– Извините, Игорь Петрович. Я вас обманул. Но... но по-другому я просто не мог. Кто-то должен был сказать правду на этом псевдонаучном шабаше. А насчет мельниц... Если крепко дать копьём по их крыльям, так ведь можно и отбить.

– Ты понимаешь, что дорога в аспирантуру после этого тебе закрыта? Да тебя вообще могут выгнать из университета! К чему это геройство!?

– Я просто не хочу жить в этом смрадном болоте. Мне только двадцать. У молодых все чувства, в том числе и обоняние, находятся на пике.

Пожилой мужчина, научный руководитель Чернышева, лишь махнул рукой и, повернувшись, вновь зашел в аудиторию, где продолжались доклады.

«Это тоже пока еще цветочки», – Александр вытащил из кармана пиджака телефон, чтобы позвонить своей девушке Свете.

После второго длинного гудка смартфон зачастил короткими, выбросив объявление: «Абонент занят».

«Отбила. Показывает свое фе, ну-ну», – парень, высоко вскинув голову, стараясь казаться как можно более уверенным в себе, широким шагом пересек коридор и стал спускаться по лестнице вниз.

Улица встретила его приятной теплотой, в которой уже можно было ощутить нотки осенней прохлады.

«Уже конец сентября, а будто август. Еще пару десятилетий и здесь можно будет выращивать бананы и апельсины.



А там дальше к югу вообще будет мрак. Ох, чувствую, ожидают нашу старушку Землю такие людские катаклизмы, что мировые войны покажутся так, небольшой сварой в детском саду. Жратвы, воды и территорий, где можно будет нормально жить на всех тогда точно не хватит», – погруженный в свои мысли, студент практически не обращал внимания на окружающий мир.

Дорога была хорошо известна. Каждый день Александр по ней шел из квартиры, которую снимал с другом в дряхлой «хрущевке», примостившейся на краю оврага, в университет, до которого было пятнадцать минут скорым шагом. Шедших за ним троих парней, он поначалу не заметил.

Саша свернул с проспекта Гагарина, на котором располагался университет, в переулок, где стоял его дом. Те трое тоже свернули за ним и заметно ускорили шаги. Расстояние между Александром и парнями стало быстро сокращаться.

«А если с универа попрут? Домой возвращаться? – студент университета живо представил свой небольшой задымленный город, переполненный чадящими заводами, как урна в людном месте окурками. Вспомнил своих родителей, когда-то молодых и наверняка мечтавших о лучшей судьбе, чем беличье колесо жизни: дом – работа – магазин – работа – магазин – дом. А сейчас стреноженных этой самой жизнью и уже не помышлявших о чем-то более интересном, чем посылки за столом с друзьями-товарищами по поводу какого-нибудь праздника.

Его отец работал электриком на металлургическом заводе. Тяжелый труд в постоянной жаре и пыли, среди грохота механизмов и матов своих товарищей и начальства за пару десятков лет вытоптали в его душе любую романтику, сведя жизнь к стремлению получения незамысловатых радостей, практически сливающихся с основными инстинктами – покушать, поспать, посмотреть телик, изредка десятиминутный секс с женой. Их хобби – рыбалка, которая в девяностые превратилась в главную кормилицу. Сашин отец смастерил электроудочку и приносил каждый день богатые уловы.

Мама Александра работала медсестрой. Вначале в заводской медсанчасти, потом смогла устроиться в коммерческую поликлинику, где платили на пару сотен гривен больше. В ней она работала в кабинете гидроколонотерапии – вставляла в анус пациентам шланг и промывала их кишечника. Однажды, когда Саша уже оканчивал школу, она, после просмотра вечерних новостей по «ящику», сказала: «Если бы страну вычистить от всего дерьма, как я это делаю у себя в поликлинике! Насколько бы лучше мы жили». В ее голосе была такая горечь, что мальчик даже вздрогнул и прижался к ней.

Увы, дерьма в Украине становилось все больше. Часто Александру казалось, что страна будто притягивает себе эту субстанцию со всего мира. Этакая черная дыра на планете. С каждым годом проходимцев у власти становилось все больше и в такой же пропорции народ жил все хуже.

Студент пятого курса исторического факультета университета в бессильной злости смотрел за неумолимым жестким выполнением закона – украинский народ не способен построить независимое государство. Нужно только внешнее управление. Этот закон был таким же фундаментальным, как законы Ньютона или закон сохранения энергии. И если что-то или кто-то противоречил ему, то он неумолимо сминал это препятствие, проходя по нему катком истории. Ну нет у украинцев инстинкта к государственности. «Моя хата с краю» и «Где два украинца, там три гетмана» – эти пословицы, как нельзя лучше отражали менталитет украинского народа.

После разгрома Киевской Руси монголо-татарами большая часть земель, которая сейчас входит в современную Украину, включая Киев, стала принадлежат Польско-литовскому государству. В нем украинцы были на третьих ролях. Максимум, что мог добиться высокородный украинский дворянин, это стать одним из военачальников в польском войске или одним из вельмож при дворе без всяких перспектив на что-то большее.

Восстав против Польши, Богдан Хмельницкий, кстати, бывший польский военачальник, быстро понял, кто есть кто. Против регулярного польского войска казаки были бессильны. Через пару лет судьба восстания была предрешена. Не помог и союз с крымскими татарами, которые регулярно предавали. Независимое украинское государство не состоя-

лось. Перед угрозой тотального истребления Хмельницкий заключает договор с давним историческим врагом Польши – Московским государством. Положение действительно было критическое. В некоторых районах Украины в результате карательных экспедиций польского войска население сократилось в два раза. На невольничьем рынке в Кафе (Феодосия) украинца можно было купить за щепотку табака.

Московские стрельцы вломили полякам и большая часть современной Украины, включая Киев, избавилась от польского и католического владычества. Но Хмельницкий вскоре умер и тогдашняя украинская элита, стремясь получить для себя наиболее выгод и руководствуясь принципом «после нас хоть потоп», стала грабить простой люд, и на Украине быстро образовалось олигархическое государство со всеми его прелестями – нищетой населения, коррупцией, кумовством. Как результат, в стране вспыхнула гражданская война – часть казаков, которые посчитали себя обделёнными на этом празднике жизни, подняли восстание против верхушки казачества во главе с бывшим писарем Хмельницкого Выговским. Тот не пользовался большой популярностью ни у казачества, ни у простого люда, так как был «не природный казак, а купленный у татар за лошадь „лях“, вдобавок женатый на дочери польского магната».

Пользуясь ситуацией, тут же вмешалась Польша. Выговский переметнулся на ее сторону и со своим войском стал нападать на русские войска. Вновь запылала Украина. Тот

период красноречиво назвали Руиной.

В России тоже был аналогичный период – Смутное время. Тогда также ослабла центральная власть и, пользуясь этим, поляки посадили на московский трон своего ставленника. Но русский народ нашел в себе силы и смог самостоятельно исправить ситуацию. Польский ставленник в виде кучки пепла выстрелом из пушки был отправлен в сторону Польши, а на трон сел русский царь Михаил Романов. Украинцы взять свою судьбу в собственные руки не смогли. То ли помешал менталитет «моя хата с краю», то ли не смогли найти в своей среде лидеров, по типу Минина и Пожарского. На Украине вновь схлестнулась Русь и Запад в виде войска польского. Тогда раунд закончился ничьей. За Польшей осталась Галиция и Волынь. Все же левобережье отошло под сень русско-го двуглавого орла, который стремительно расправлял свои крылья, превращаясь в империю. Тогда же русским стал и Киев, который Москва выкупила у Польши за семь тонн серебра. В то время это была десятая часть бюджета московского государства.

Изучая историю Украины, Саша Чернышев поражался радушием России. Нет, не колонией его страна в нее вошла! Она не была, как Индия для Англии, которая безжалостно грабила индусов. Только за первые 15 лет своего правления холеные англосаксы вывезли из Индии ценностей на один миллиард фунтов стерлингов! Только за последнюю четверть девятнадцатого века от голода погибло почти трид-

цать миллионов человек. И ни один индус не смог занять какой-либо значительный пост, ни у себя в стране, ни тем более в Англии.

Украина же, войдя в состав Московского государства, а потом Российской империи, стала процветать и прирастать территориями. Ее площадь со времен Богдана Хмельницкого увеличилась более чем в десять раз! Нет, не бесправной рабыней, купленной за тонны серебра, была Украина для России, а любимой женой! Ее тело Россия украсила такими бриллиантами первой величины, как Днепропетровск, Николаев, Херсон, Донецк и настоящей «жемчужиной у моря» – Одессой. А на пике могущества империи – гранд алмазом – Крымом.

Но СССР распался, и Украина неожиданно для себя получила независимость. Дальше «веселится и гуляет весь народ»? Как бы ни так! Практически точно повторилась история трехвековой давности. В стране наступила очередная Руина. Как и триста лет назад местная элита разграбила абсолютно все и в очередной раз попыталась предать Россию. Точно, как в этой песни, где после «и гуляет весь народ» наступает развязка: «И быстрее, шибче воли, поезд мчится чисто поле». Промышленный пейзаж страны стал быстро сменяться сельским. Украина быстро скатывалась к статусу банановой республики. Как результат – вновь гражданская война и вновь территория страны стала ареной столкновения Запада и Руси.

Саша Чернышев любил говорить: «История – дама ленивая. Что-то выдумывать ей неохота. Возникнет схожая ситуация и она сделает также, как делала в таких случаях сто-двести-триста... тысячу лет тому назад». Есть Руина? Значит, будет гражданская война и раскол. Вот только, за сколько сейчас Россия выкупит в очередной раз мать городов русских – Киев? Или просто кинет на чашу весов свой гиперзвуковой «Кинжал», как гальский вождь Бренн кинул свой меч, когда римляне взвешивали золото, чтобы откупиться. Горе побеждённым! По крайней мере, Россия имеет на это моральное право.

Невеселые мысли, как надоедливые мухи кружились в голове Александра, иногда больно «кусая» его.

«Так что же делать? Домой, если попрут с универа точно не пойду. Незамысловатая житейская трехходовка: «Дом – работа – магазин» не для меня».

Чернышев понимал, как историк и интуитивно чувствовал, что наступает время очень больших перемен. Грядет очередное переформатирование Украины. Именно в этот момент становились героями, легендами и просто знаменитыми и богатыми людьми. Он даже на мгновение обрадовался перспективе вылета из университета. Руки будут развязаны. Вольная птица. Лети, куда хочешь!

«Только вот куда лететь»?

Если бы знал Саша Чернышев, что за него этот вопрос уже решен. При том самым неожиданным образом. Но это

будет чуть позже. Пока же мозг молодого человека отмахивался от надоедливых житейских мух: «Да и покажись дома, как пить дать загребут в какую-нибудь очередную волну мобилизации-могилизации. И что, стрелять по женщинам и детям за миллиарды евреев-олигархов? Рисковать своей головой? Слава Богу, я не debil, чтобы верить украинскому зомбоящику и продажным журналюгам ...»

– Ну, что, ватник? Еще не передумал Днепр в честь шлюхи-царицы Катки переименовывать?

Саша резко обернулся. Перед ним стояло три крепких парня с одинаковыми ухмылками на лице. Он отлично понимал, чем это закончится. Сколько подобных историй было в последнее время на слуху. Сколько людей, посмеявшихся не согласиться с бандеровским переворотом в Киеве, и открыто выразивших свой протест, было покалечено, а то и просто убито. Когда речь идет о власти и миллиардах, тут не до сантиментов и цитирования деклараций о правах человека.

Бежать? Звать на помощь? В первом случае догонят, ведь ему еще надо было развернуться, а трое крепышей были в двух шагах от него. А второй вариант был и в менее подлые времена практически безнадежен.

Александр сунул правую руку в карман джинсов, сжал свой серебряный рубль-талисман и, не проронив ни слова, бросился вперед, на стоящего перед ним парня. Тот такой прыти от студента-историка не ожидал, поэтому пропустил удар кулаком в челюсть с правой. Увы, Чернышев боксом не



занимался, поэтому не смог сходу свалить своего противника. Но от сильного удара тот все же попятился, открывая дорожку.

— Ах ты, сука! — на мгновение опешившие нападающие кинулись вслед за своей жертвой.

Он не добежал до проспекта каких-то десять шагов. Сильный удар в спину сбил его с ног. Тут же на него посыпался град ударов ногами, к счастью обутых в легкие летние кроссовки.

Оказавшись на земле, Александр не растерялся. Он бросил свое тело вправо-влево, сам делал выпады ногами, пытался руками блокировать удары, направленные в голову. В какой-то миг он сумел схватить стопу одного из нападавших и резко крутануть ее в сторону. Ее хозяин, болезненно выругавшись, рухнул на землю, под ноги своему поделельнику.

Чернышев не стал терять свой шанс. Не чувствуя боли он вновь вскочил на ноги и бросился бежать к проспекту, где шумел поток машин, где сновали люди по своим делам, где можно было надеяться на спасение.

Сзади раздался топот преследователей, перекрываемый однообразным, в два-три слова матом. Второй раз Сашу завалили на проспекте. Вновь град ударов ногами, еще более остервенелых и беспощадных. Парню опять удалось свалить на землю одного из нападавших, сильно лягнув того по колену. Но на этот раз Чернышев подскочил не так прытко. Организм исчерпал свои возможности по блокированию боли

адреналином, и та хлынула внутрь щедрым потоком, сковывая мышцы, парализуя разум и волю. Сильные руки обхватили его сзади. Александр инстинктивно рванулся вперед, стремясь вырваться из этих жестких объятий. Но тут же был остановлен сильным ударом в челюсть.

«Эх, и зачем меня мама отвела в музыкальную школу учиться играть на скрипке, а не в секцию бокса махать кулаками, раздавая хуки и апперкоты», – Чернышев сделал отчаянный рывок и сумел схватиться за отвороты джинсовой куртки стоящего перед ним парня, замахнувшегося для второго удара.

Он его и получил, в правый глаз. Вмиг красочная картинка мира в нем сменилась какими-то яркими пятнами и кругами на красном фоне, обильно пропитанном резкой болью.

– Сука! – и Саша резко потянул своего визави на себе, одновременно не менее резко посылая свою голову вперед.

У противника смачно хрустнул подбородок. Тот час же Александр с силой оттолкнул от себя разом обмякшую чужую плоть. Дальше вступил целый оркестр – скрежет тормозов, вскрик, глухой удар, а в финале на миг вскинулись ударные – резкая боль в голове и тут же упал черный занавес.

Вопль: «Твою мать!» Чернышев, плашмя рушась на асфальт, уже не слышал.

**Днепропетровск, 16 городская больница. 30 сентября 2014 года**

Черный занавес вздернулся также быстро, как и опустился. В глаза вновь брызнул свет. Только вместо голубого неба над Александром простерся белый потолок. Мозг, демонстрируя, что с ним все в порядке, быстро идентифицировал поступившую зрительную информацию – больничная палата. Скорее всего, реанимация, судя по громоздившейся вдоль стен аппаратуре.

Через несколько минут возле парня уже хлопотала медсестра, а затем и врач. Еще спустя несколько минут Саша узнал, что он находится в шестнадцатой городской больнице, куда его вчера привезли в бессознательном состоянии и что его сильно ударили по затылку, скорее всего, камнем. К счастью, череп цел, но почти наверняка сотрясение мозга.

– Судя по тому, что ты так бойко отвечаешь на вопросы, ничего серьезного не произошло. Крепкая у тебя голова, – молодой врач с модной небритостью на лице улыбнулся и вышел из палаты.

Парень задумчиво смотрел на закрывшуюся дверь. Затем почувствовал какой-то дискомфорт в руке. Разжал кулак. На ладони тускло сверкнул рубль с профилем Екатерины Второй на аверсе.

«Не помог ты мне, талисман. Чувствую, попал я в хороший переплет», – парень вздохнул.

Предчувствие его не обмануло. На информации, что с его головой все в порядке, все хорошие события и закончились. Дальше пошла реальность, а значит негатив. Во-первых, Чернышеву дали понять, что для таких как он бесплатных лекарств нет. Спасибо, что обработали и перебинтовали рану. Хочешь квалифицированное лечение – плати. Не можешь – пару дней полежишь, а дальше извини, с вещами на выход. Во-вторых, прозрачный бульончик с сиротливой картошечкой с пятикопеечную монетку и нитевидной лапшой, убогий салатик из квашеной капусты, светло-рыжий чай и два ломтика серого хлеба ну никак не могли обеспечить калориями девяносто килограммовый молодой организм. Хочешь еще? Нет проблем. В вестибюле больничного корпуса функционирует пиццерия, в которой обед стоит половину стипендии студента национального университета. А в-третьих... а в-третьих, ближе к вечеру к Александру пришел следователь. Оказалось, что в драке, за миг до того, как получить камнем по затылку, Сашу оттолкнул одного из нападавших на проезжую часть и тот попал под колеса шикарной Тойоты Прадо. Двух тонное японское техническое чудо легко отбросило украинскую плоть, попутно нанеся ей травмы, как пишут в судебно-медицинских протоколах, не совместимые с жизнью. Теперь Александр Чернышев не потерпевшая сторона, а подозреваемый в уголовном преступлении.

– Так Вы первый нанесли удар кулаком Сергею Нечипоренко? – серые глаза следователя смотрели спокойно, безучастно.

– Да, так как по агрессивным словам этих троих понимал, что сейчас они нападут на меня и шансов спастись тогда у меня не будет вовсе.

Следователь еще минут десять расспрашивал подробности драки, делая какие-то пометки себе в блокнот. Бросив на прощание ничего не объясняющее: «До свидания», власть удалилась.

«Дела... Наверняка пришьют превышение самообороны... как минимум», – Чернышев тоскливо посмотрел в окно с видом на какую-то замершую стройку с неподвижными кранами, накалывавшими своими остриями голубое небо.

На следующее утро Александр узнал, что «как минимум» – это действительно был оптимистический сценарий. К нему пришел Коля Неверов, одноклассник, с которым Саша познакомился еще до университета. Парни были из одного города и на двоих снимали двушку в «хрущевке».

Коля был, что называется бабником или, как сейчас стало их модно называть западным словечком – пикапером. В свои двадцать лет он прошел огонь, воду и медные трубы в отношениях с прекрасным полом. Через его руки и другие части тела прошло уже добрых полсотни девушек. Колю били мужья, которым он наставил рога. Нешадно хлестали по щекам девушки, которых он бросал. За ним даже гонялись бандю-

ки, когда он умудрился переспать с любовницей их «атамана». Теперь парень крутил любовь с дочкой одного высокопоставленного чина СБУ<sup>1</sup>.

– Как тебе это удастся? – как-то спросил у своего друга Саша, поймав себя на вопросе, были ли в его голосе нотки зависти или нет. – Ну ладно там всякие студентки, пэтеушки и продавщицы коммерческих ларьков. Это хоть и яркая, но бижутерия. Но я смотрю, твой гарем пополнился настоящими бриллиантами! Сначала любовница крутого бандюка, теперь дочка генерала-эсбеушника.

– Сашок, запомни простую истину. Нет недоступных девушек. Есть разный уровень доступа! И мне еще в этом деле Бог помогает. Даже печать по этому поводу имеется!

Колька говорил о большом родимом пятне на груди, похожем на крест.

– Ох, смотри, Колян, не сносить тебе головы. И за баб твоих, и за богохульство.

Теперь получалось, что на шее зашаталась голова у него самого.

– Сашок, – Коля начал без всяких предисловий, едва зашел к Чернышеву в палату, – ты серьезно влип. Я от своей Илоны узнал, что на тебя у правосеков<sup>2</sup> вырос серьезный зуб. Ты вчера в драке под колеса спихнул какую-то их шишку. Теперь тебя хотят отправить на зону по уголовной статье, а

---

<sup>1</sup> СБУ – служба безопасности Украины, аналог российской ФСБ.

<sup>2</sup> Правосеки – члены праворадикальной группировки.

там разобраться с помощью уголовников. Будут клеить сто пятнадцатую статью – умышленное убийство, а не сто восемнадцатую или сто девятнадцатую – убийство при превышении мер самообороны или убийство по неосторожности. О твоих политических взглядах и заикаться не будут. Как сказал папик моей Ирки, «не будем лепить из него героя-мученика. Хватит с нас Коцабы<sup>3</sup>. Чистый уголовник и точка».

– Я об этом начал догадываться по вопросам следака.

– Сашок, когти тебе надо рвать отсюда. Все очень серьезно.

– Куда рвать-то? Денег нет. Загранпаспорта тоже нет. Да и кому уголовник нужен? Кто там будет разбираться с такой мелкой сошкой? Выдадут этим бандеровцам и все дела, – парень задумчиво смотрел в окно. От волнения у него начала сильно болеть голова.

«Хорошо, хоть череп булыжником не проломили. Но зато лежал бы здесь долго. А так через пару дней придется переселяться в СИЗО», – Чернышев кисло улыбнулся.

– Помнишь поговорку: «С Дона выдачи нету»? – Коля с хитрецей смотрел на своего друга.

– Да то когда было!

– Да, я смотрю тебя здорово по башке булыжником садали. Минимум пунктов двадцать ай кью из твоих мозгов выбили. Дон был в восемнадцатом веке. А в двадцать пер-

---

<sup>3</sup> Руслан Коцаба – ивано-франковский журналист, открыто выступивший против войны на Донбассе и осужденный за это украинской властью.

вом вместо Дона стал... ну, думай! Даю подсказку. На туже букву начинается!

– Донбасс что ли... Я как то и не подумал...

– Как по мне, лучше щемить бандеровцев с калашом в руках, чем как баран идти к ним на бойню. А там глядишь, может, героем станешь, как Моторола или Гиви, – в Колиных глазах прыгали хорошо знакомые Саше искорки. В эти мгновения его друг был неотразим.

«За это его бабы и любят».

– Ох, Колян, можешь ты быть убедительным. Только я еще не думал, как это сделать. Это все же не к своей бабуле в село поехать.

– Сашок, не ссы, я все за тебя продумал. Садись на автобус до Ростова. Там пересаживаешься на автобус до Донецка. Дальше смотри сам. Если хочешь воевать, то иди на призывной пункт военкомата. Адрес и как до него добраться я напишу.

– Сколько у меня времени?

– Лучше с больницы свалить сегодня ночью. На такси доехать до Харькова. Оттуда на автобусе до Ростова. Я думаю, ты пока не такая важная птица, чтобы по тебе объявили розыск по всей стране. Но с Днепра все же не стоит рисковать выезжать.

Коля действительно все продумал.

– Деньги одолжишь?

– Жду тебя к часу ночи возле кафешки, слева от входа



в больницу. К этому времени, думаю, я у Илонки успею отщипнуть пару кусков. Пусть сепару деньги СБУ помогают! – Николай весело хмыкнул.

«Вот она, точка бифуркации, – Александр смотрел на закрывшуюся за другом дверь.

Он вспомнил, как читал о таких точках в книгах Гумилева. Вообще-то это термодинамический термин, означающий критическое состояние системы. В этой точке любое, даже незначительное действие приводит к кардинальному ее изменению. Но подобное понятие применимо и к государству, и к отдельному человеку. Жестко зачисть Майдан в ноябре тринадцатого, когда там стали появляться только первые палатки свидомых, и не было бы этой вакханалии на Украине. Не было бы сожженных людей в Одессе, расстрелянного «Градами» Донбасса и прочих современных украинских мерзостей. А чтобы зачистить хватило бы и полка беркутовцев. И не надо никаких дивизий и армий.

Точка бифуркации недавно было и у него, когда он решил прочесть совершенно другой доклад на тему переименования Днепропетровска. Всего несколько листиков текста, а после них убийство и необходимость бежать. Но сказав А, надо говорить и Б, чтобы потом не говорить: «Б...ь, все пропало!».

– Ну что ж, Донбасс так Донбасс, – прошептал Александр. – Будет потом что внукам рассказать.

Но негатив для Чернышева еще не закончился. Очевидно,

Всевышний на него решил сегодня выплеснуть месячную, а может и годовую норму положенных ему «осадков».

К вечеру, когда желудок уныло дожигал скудные калории, полученные в обед, в палату вошла Светлана. Саша познакомился с ней год назад, на одной из молодёжных тусовок, которыми богата студенческая жизнь. Девушка была местная и училась на факультете журналистики. Между молодыми людьми практически мгновенно вспыхнула привязанность, которая быстро перешла в близость. Света была умна, начитанна и темпераментна в постели плюс полное отсутствие проблем быта – девушка жила с родителями и пока не собиралась что-либо менять в этом. Что еще нужно, чтобы просто наслаждаться друг другом? Никаких камешков в хрустальных туфельках любви.

Но оказалось, что камешки все же были. Если Саша сразу и резко отрицательно отнесся к событиям в Киеве в конце тринадцатого – начале четырнадцатого года и обзывал Януковича слизняком, то Света пребывала в эйфории и мечтала о европейском будущем.

– Светка, ну ей Богу! Ты как та дурочка, что вышла с плакатом: «Я – девочка, я хочу кружевные трусики и в ЕС». Ты что не понимаешь, что в Европе тебе примут в этих самых кружевных трусиках, только как проститутку, а не девушку, в оригинале читающую Шекспира?

Тогда они крупно поругались. Но молодость, бушующие в крови гормоны быстро их помирили. В итоге ссора закон-

чилась жаркой ролевой игрой в постели и бурным оргазмом.

Но в марте брат-близнец Светы Сергей записался добровольцем в батальон «Днепр», созданный олигархом Коломойским, и уехал воевать с «сепаратистами на Донбасс». Так он называл жителей этого региона, восставших против власти бандеровского Киева.

Доводы родителей, что надо окончить университет (парень учился на том же журналистском факультете, что и сестра) и слезы матери на брата Светы не подействовали. Он был романтиком, сочинял проникновенные стихи о чувствах и искренне верил всем лозунгам, которые на Майдане выкрикивали прожжённые пройдохи от украинской политики.

Между Сашей и Светой все чаще стали возникать споры относительно политики и хотя всегда они заканчивались бурной постельной борьбой, но период между размолвкой и примирением постепенно увеличивался.

Потом в августе новостной эфир взорвался новым словосочетанием «Иловый котел». Вооруженные силы ДНР сумели окружить украинские войска в районе одноименного небольшого шахтерского городка и нанести им значительный урон. В числе окруженных оказался и батальон «Днепр-1», где воевал Сергей. Связь с ним оборвалась 28 августа. На следующий день Света в интернете смотрела выступление Путина, в котором он призвал повстанцев открыть гуманитарный коридор для окружённых украинских военных.

Родители Светланы буквально почернели от нехороших предчувствий. Звонки в различные инстанции заканчивались примерно одним и тем же – сведениями о судьбе Кононенко Сергея Валентиновича, 1995 года рождения они не располагают.

Двадцатого сентября в дверь Кононенко позвонили. На пороге стоял паренек в камуфляжной форме с забинтованной правой рукой. Мать Светы сразу все поняла и тихо ойкнув, опустила на обувную полку.

– Здравствуйте. Меня зовут Петр, – представился он.

Это был сослуживец Сергея и свидетель его последних часов жизни.

– Нам было приказано удерживать здание школы. Из ее окон хорошо просматривалась дорога, ведущая к железнодорожному вокзалу. По нам били из автоматов, пулеметов, гранатометов. Один раз даже танк лупил прямой наводкой, но Жэка сумел его «мухой» поджечь, – паренек говорил скупно, не поднимая головы, глядя перед собой в стол. – Двадцать восьмого августа мы поняли, что практически окружены и если не попытаемся вырваться, то эта школа станет нашей братской могилой. Уходить решили в полночь, – парень перестал говорить.

Света поняла, что сейчас он произнесет для ее семьи самое страшное. Она судорожно обняла за плечи мать и прижала к себе.

– Ваш Сергей до прорыва не дожил, – наконец глухо про-

изнес его сослуживец.

Дочь почувствовала, как вздрогнула мать и выдохнула:

– Сереженька..., – ее плечи затряслись от рыданий.

Минут через десять Петр продолжил:

– В него попал снайпер, когда он вел наблюдение на третьем этаже школы.

– Куда в него попали? – глухо произнесла мать.

– В грудь. Он еще прожил минут десять. Успел попросить меня прийти к вам. Назвал адрес.

– Где он сейчас? – спросил отец Сергея.

– Мы его похоронили возле школы в воронке от снаряда. Вот, возьмите, – Петр протянул отцу что-то завернутое в целлофановый пакет. – Это паспорт Сергея, его удостоверение бойца батальона «Днепр-1» и стихи.

– Стихи? – переспросила Света.

– Он не успел их дописать.

Александр потом прочитал их.

Не чую куль... не чую граду...

Не чую... і який ж я радий...

Не відчуваю болі, хоч чітко бачу рану...

Брати, вже не воюєм, йдемо обіймем маму...

Брати мої, солдати, я мав за честь...

За Україну з вами воювати...

Брати мої, брати мої і друзі...

Я обіцяв, як вернусь женитись на подрузі...

Прощайте, вже відвоювали...  
Будьте щасливі, я їду до мами..  
І ось я вже є біля дому...  
Та не втомився, не відчуваю втоми...  
Вже від воріт біжить собака...  
Впізнав, загавкав і заплакав...  
І я біжу, біжу до брами...  
Чому ж не зустрічає мама...  
Заходжу в двір, а там все є в квітах.....  
І плачуть всі... старі і діти...  
Іду я далі...сусіди, друзі ,ті що воювали теж....  
Я думав не прийдуть, але прийшли усе ж...  
І ось.. стоїть моя кохана...  
Але не в біле, вся у чорне вбрана....  
І я кричу на них...що робиться таке?  
Коли зайшов у дім, то зрозумів усе...  
Я так хотів лиш обійняти маму...  
І тут відчув я дотик рук коханих...  
Побачив маму, побачив мертву я картину...  
Як обіймає мене мама...  
А я лежу з закритими очима...

– Свет, мне очень жаль, – тогда Саша сумел только выда-  
вить из себя эти банальные слова.  
– Ты и сейчас будешь поддерживать ватников?  
– Свет, ну пойми...

Девушка резко развернулась и ушла.

Александру было неловко, будто он совершает подлость по отношению к любимой. Он уже решил тогда, что покажет своему научному руководителю один доклад для конференции, а прочтет другой. Со смертью брата Светы это никак не было связано. Но в стране, где здравый смысл находился не в голове большинства людей, а совсем в противоположном органе, такие действия расценивались как предательство.

После того разговора Саша со своей девушкой не встречался и на звонки она не отвечала. И вот Света в его палате.

– Привет! – парень постарался придать своему голосу максимум беззаботности и веселости.

– Ты подлец! – резко прозвучало в ответ.

– Потому что, защищаясь, я убил одного из отмороженных, которых расплодилось немеряно в последнее время, и получил камнем по голове?

– Потому что, зная, как погиб мой брат, ты прочел мерзкий свой доклад! – девушка сорвалась на крик.

В палату вбежала медсестра:

– Девушка, выйдите, пожалуйста, и успокойтесь.

– Да, я сейчас выйду! Навсегда! – красивое лицо Светы обезобразила гримаса гнева и презрения.

– Свет, даже смерть человека не делает его правым. Пусть твой брат был хоть трижды романтиком, он с оружием в руках шел убивать своих сограждан. Благими намерениями выстлана дорога в ад!

– Подлец! Прощай! – Света выбежала из палаты.

– Прощай... – тихо сказал Саша, глядя на дверь, захлопнувшуюся за его девушкой ... за бывшей его девушкой...

Потом он посмотрел на часы. До намеченного побега из больницы оставалось пять часов. Секундная стрелка каждое мгновение неумолимо откусывала от этого времени по крохотному кусочку.

\* \* \*

**Днепропетровск, Следственное управление УМВД Украины в Днепропетровской области. Тот же день**

– Может приставим охрану к Чернышеву? Как бы не сбежал мальчишка, – следователь, который несколько часов назад допрашивал Александра, стоя у окна, разговаривал с кем-то по телефону.

– Не стоит, – после небольшой паузы ответил его собеседник. – Ты же слышал общую установку. Минимум привлечения внимания ко всякой сепаратисткой мелюзге. Чтобы никакой журналистик или как там его... блогер не разнюхал эту историю и не тиснул что-то в интернете.

– Но Чернышев убил человека, так что с формальной точки зрения – он опасный преступник и ...

– Ладно, попроси кого-нибудь из своих стажеров покарать этого Чернышева ночью. Их там у тебя сейчас много. А то этим правосекам взбредет в голову поквитаться со сту-



дентом. И получить у нас еще один мученик, погибший за «Русскую весну». Только все делай тихо. Минимум огласки!

– Я Вас понял, Анатолий Федорович.

\* \* \*

**Днепропетровск, 16 городская больница. Тот же день**

«Черт, вот это влип, – Саша задумчиво вертел в руках телефон, думая звонить Коле Неверову или нет.

Только что, совершая очередной поход в туалет, Чернышев обнаружил неприятный факт. Рядом с его палатой на диванчике сидел молодой парень. Едва Александр вышел из палаты, тот вскочил на ноги:

– Вы куда?

– А Вы кто такой?

– Следственной управление, лейтенант Вознюк, – перед глазами Саши мелькнули синие «корочки». – Вы являетесь подозреваемым в убийстве гражданина Грицака. Поэтому решено, пока Вы находитесь в больнице, контролировать все Ваши перемещения.

– Ясно, лейтенант. Докладываю, я перемещаюсь в туалет, который находится вон за этой дверью.

«Что теперь делать? Позвонить Коле и сказать, что все отменяется? А потом? СИЗО и червонец в колонии. Если отсужу, конечно, этот червонец, – Саша, скривившись от го-

ловной боли, подошел к окну. – Третий этаж. Внизу асфальт. Прыжок вниз и к сотрясению мозга добавится переломы ног и еще что-нибудь», – он снова лег в кровать.

Вовремя. Дверь приоткрылась, и в палату заглянул лейтенант. Убедившись, что его подопечный лежит, он вернулся в коридор.

«Возник Вознюк, маленький гамнюк», – Чернышев улыбнулся своей рифме и в этот миг он понял, как нужно действовать.

Нажатие тревожной кнопки – вызов медсестры.

– Дайте, пожалуйста, какую-нибудь таблетку. Голова раскалывается. И одеяло. А то что-то знобит. Или хотя бы пару простыней до утра, – наверное, еще никогда Саша не старался так обаять своей улыбкой прекрасный пол, как сейчас.

«Главное, когда пытаешься охмурить бабу, искренне верить, что она в этот миг твоя самая сильная, самая настоящая любовь. Что она смысл твоей жизни. Тогда все пойдет, как по маслу. Женщины очень ценят искренность, – вспомнил он наставления своего друга. – Эх, Колян, мне бы твои таланты», – Чернышев и не подозревал, что сколько раз он будет мысленно вспоминать своего друга-ловеласа, и сколько раз будет обращаться к сокровищнице его опыта. Сокровищница – это не преувеличение. Ведь на кону будет ... – но не будем пока забежать вперед, а вернемся к прозе жизни – обычной, немного обшарпанной палате, в которой пребывает наш герой.

Медсестра оказалась жалостливой, а может ей действительно понравился молодой, с явными признаками интеллекта на лице парень. Через несколько минут Саша держал в руках таблетку цитрамона, а в ногах лежало еще одно одеяло и простыня.

– Может Вам укольчик димедрола сделать, чтобы быстро заснули?

– Нет, спасибо. Не хочу приучать свой организм к снотворному, – Александр вновь лучезарно улыбнулся.

Часы с натугой отматывали время, оставшееся до побега. Чернышев аккуратно накрыл себя еще одним одеялом и поставил будильник в телефоне на полпервого ночи.

«А то еще точно засну».

Охранник еще пару раз заходил к нему в палату и видел одну и ту же картину – свернувшийся калачиком неподвижно лежащий мужчина под двумя одеялами.

Полночь. Охранник последний раз заглядывал час назад. Хотя... дверь тихонько скрипнула, на темном фоне возникла яркая полоска света и голова следователя в ней. Через пару секунд палата вновь погрузилась в темноту.

Чернышев решил не ждать часа ночи, а бежать сейчас. Минут двадцать у него ушло, чтобы из двух одеял и трех простыней связать канат. Еще десять минут он осторожно подтаскивал, чтобы не издать шума, кровать к окну, и к ее спинке привязывал этот канат. Еще пять минут смачивал все узлы водой, поливая их из стакана.

«Пацанский проверенный способ завязывания в узел одежды купающегося. Волокна разбухают, фиг развяжешь», – Чернышев взглянул на часы – без двадцати час. Пора.

Бесшумно канат скользнул за окно. Парень выждал еще с минуту и перекинул ногу через подоконник. Самодельная конструкция выдержала, и вскоре Александр перелазил через больничный забор. В условленном месте, в ста шагах от него Сашу ждал Коля с одеждой, собранной дорожной сумкой и деньгами. Через час на такси Чернышев уже ехал в Харьков. До отправления автобуса оттуда в Ростов-на-Дону оставалось семь часов. Как говорить, за глаза.

\* \* \*

**Донецк, 7 октября 2014 года**

... – Ну, что, студент, продолжим постигать науку, как побеждать, как говорил наш великий предок Александр Суворов?

– Давай, Стас.

– Сколько можно говорить?! Не Стас, а Историк. У меня родители и у тебя родители там, на той стороне. Ты хочешь, чтобы у них были большие неприятности?

– Прости, вырвалось...

– Ладно, слушай. Итак, правило четвертое. Проводишь зачистку, в комнатуходишь втроем. Сначала две гранаты,

потом ты. Выдерживаешь чеку, закатываешь первую гранату. Именно закатываешь по полу, а не бросаешь. После взрыва, считаешь до пяти. Как в детской считалке: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не захова́лся, я не виноват». Потом, с чекой закатываешь вторую.

– А зачем вторую и еще с чекой?

– Кто уцелеет после первого взрыва. При виде второй гранаты упадет на пол и закроет голову руками. Поэтому можешь взять его живым. Правило пятое. Любая закрытая дверь неприкосновенна. Она может быть заминирована. Такими дверями займутся другие люди. Никакие ящики не открывать, ничего не включать. Трупы не трогать, оружие не брать. По той же самой причине.

– А если раненый?

– Если свой, зови саперов. Если укроп, убедись, что не выстрелит тебе в спину и иди дальше.

– Как убедиться?

– Что оружия у него нет! Твою мать! А лучше сделай его точно трупом! Контрольку в голову! Так надежней. Правило шестое. Патроны из открытого цинка, захваченного у укропов, не брать. Они вместо пороха могут быть начинены тротилом. Выстрелишь из такого, голову оторвет. Были случаи. И последнее. Пальца на спусковом крючке быть не должно! Ясно?

– Ясно!

– Так полчаса перекур и на стрельбище. Одиночными

стреляешь ты хорошо, а вот очередями не очень. Последние пули уходят у тебя почему-то вправо. Будем поправлять. Все, перекур!

Прошла ровно неделя, как Александр Чернышев вышел из автобуса на автовокзале «Южный» Донецка. Особо не раздумывая, стал действовать, как советовал ему Колян, поехал на призывной пункт республиканского военкомата. Там пожилой дядька, как показалось Саше, мельком взглянув на его документы, что-то написал в листке бумаги и протянул ему:

– Поедешь по указанному адресу. Там тебя зачислят в штат и поставят на довольствие.

Выходя из комнаты, Александр столкнулся с женщиной в камуфляже.

– Степаныч, ну что, кто-нибудь подходящий есть?

– Да что ты едешь сюда без конца! Помню я о вас. Но нет пока таких людей! Уже почитай неделю одни салаги приходят. Вот еще один, – пожилой мужчина кивнул на Чернышева.

Голос вошедшего в кабинет мужчины Саше показался знакомым. Он внимательней всмотрелся в его обладателя.

– Станислав Липицкий? – Александр узнал в нем аспиранта со своей кафедры, который полгода назад уехал стажироваться в Германию.

– Ба, знакомое лицо! А я все думал, увижу тебя здесь или не увижу. Таки увидел!

– Так уж все время и думал! – пошутил Саша.

Парни рассмеялись и крепко пожали друг другу руки.

– Степаныч, я этого орла к себе заберу.

– Так тебе ж снайперы нужны, а этот даже в руках калаш не держал. Какой из него орел? Так, куропатка еще.

– Ну, не скажи! Орел не орел, а орленок точно. Орлом мы его сами сделаем!

Так Александр Чернышев оказался в батальоне «Сомали», которым командовал знаменитый Гиви.

Первый день среди новых товарищей начался... с его за-  
капывания.

– В бою самое главное – это доверять товарищу рядом. Знать, что он прикроет тебя, не бояться показать ему спину, – улыбаясь, пояснил Стас и подтолкнул Александра к неглубокой, не больше полметра глубины яме. – Сейчас тебе ребята прикопают и буквально через две минуты выкопают.

Выдержишь, остаешься в «Сомали». Нет – гуляй на все четыре стороны.

Саша посмотрел на улыбающихся небритых мужиков с калашами за спиной или на груди, на чернеющую свежевырытой землей яму, на отблёскивающие на солнце лезвия лопат.

– Черти, вы хотя бы предупредили! На хрена я сегодня утром голову шампунем мыл?! Расход один! – с этими словами Александр прыгнул в яму и растянулся в ней во весь рост.

– На лицо накинь, – Стас бросил ему тряпку неопределен-

но-серого цвета.

Первый комок земли упал на ноги. Потом еще один, еще. Саша чувствовал, как земля все выше и выше покрывает его тело, начинает сдавливать грудь. И вместе с этим давлением в тело заполз страх. Казалось, причин для него не было. Все делалось понарошку. Для проверки. Что у закапывающих его людей абсолютно не было причин делать это все по-настоящему.

Но одно дело доводы разума, а другое дело комья земли, сыплющиеся сверху, давящие на грудь и закрывающие свет. Настала полная темнота – неудобная, давящая. Почему-то вспомнился Гоголь, которого, согласно легенде, похоронили живым.

«Боже, как же это страшно, оказаться в наглухо заколоченном гробу под двухметровым слоем земли», – Чернышев, сжав зубы, изо всех сил пытался не дать страху полностью затопить его мозг. В нем лишь остался один островок, на котором пульсировала мысль: «Это все понарошку. Это проверка. Сейчас меня раскопают». А вокруг вздымались липкие смрадные девятые валы страха. Но, наконец-то, будто на затянутом черными тучами небе, ярко вспыхнуло солнце – Александр почувствовал, как зашевелилась земля над ним и, наконец, сквозь тряпку на лице пробились первые лучи.

– Ну, вставай, боец «Сомали», – Саша увидел над собой протянутую руку Стаса. – Проверку ты прошел.

К Стасу и Александру, отряхивающего с одежды землю,



подошел командир батальона Гиви:

– Ну что, пора бойцу давать позывной. Как хочешь, чтобы тебя называли?

– Идеально для него подошел бы «Историк». Но Историк – это я, – улыбнулся Стас.

– Может «Студент»? – предложил Гиви.

– Не, не хочу, – отрицательно замотал головой Саша. – Здесь это звучит, как салага.

– Ты на каком периоде специализировался? – спросил Стас.

– Эпоха Екатерины Второй. Даже доклад сделал, из-за которого и оказался здесь. О создании Днепропетровска Потемкиным.

– Вот значит, и быть тебе Потемкиным! – почти одновременно воскликнули Гиви и Стас.

– Потемкин? А что, мне нравится.

– Ну что, Историк. Бери Потемкина под свое крыло и обучай военному ремеслу. Срок – неделя. Потом в аэропорт. Там скоро снова будет жарко, – Гиви пожал парням руку и направился к своему потрепанному Киа Мажентис с гордой надписью «Гиви Сомали» вместо номерных знаков.

Воспоминания о недавних событиях промелькнули в голове Александра, когда он, прислонившись спиной к стене общежития какого-то техникума, превращенного в казарму для бойцов «Сомали», отдыхал. Неяркое осенне солнце, заглядывающее через окно, приятно заливало лицо своими лу-

чами.

– Ну что, Потемкин, пошли учиться стрелять?

– Пошли, Историк!

\* \* \*

**Донецк, аэропорт имени Прокофьева, 14 января  
2015 года**

За стеной звонко рванула граната. Тут же оттуда донеслись крики и стоны. Стас, весело оскалившись, кинул в проем еще одну гранату:

– Укроп становится вкусным, когда он горячий!

Снова взрыв. Но криков уже не последовало.

– Пошли! – и Историк первым прыгнул в проем, в который бросил две гранаты.



\* \* \*

Саша последовал за ним. За проломленной снарядом бетонной стеной был все тот же, ставший привычным хаос – куски бетона, прутья арматуры образовывали сюрреалистическую картину, которой мог позавидовать и Сальвадор Дали. И, как вишенка на торте, как центральная тема полотна – два человеческих тела в изодранном камуфляже, под которыми быстро расплзались красные лужи. Кровь, смешиваясь с каменным крошечком и пылью, мгновенно превращалась в темно-бурую грязь.

– Еще два укропчика готовы, – за спиной Александра раздался довольный смешок Повара – местного парня, до войны работавшего поваром в одном из донецких кафе. – Какие они, бля киборки? Пидорги они самые настоящие!

Саша, видя его лицо, понимал, что шевельнись кто-то из этих двух лежащих украинских военных, он тут же получит короткую очередь в голову. Ополченцы очень сильно были злы на своих противников, оборонявших аэропорт. Нет, не за упорное сопротивление под градом пуль и снарядов, находясь в фактическом окружении. Это как раз вызывало невольное уважение. Ненависть вызывало другое. Бойцы Донецкой Народной Республики и все жители Донецка отлично знали, что с аэропорта, с его наблюдательной вышки корректировался огонь по жилым кварталам города. Гибли женщины, дети – смерть не различала ни пола, ни возраста.

На груди у Стаса ожила рация:

– Историк, бери левее, метров через пятьдесят увидишь лестницу. Постарайся по ней подняться наверх. Оттуда жарь по рукаву приема самолетов, что будет от тебя слева. Скоро оттуда укропы должны побежать.

Стас махнул рукой, указывая направление движения. Карабкаясь по остаткам бетонных конструкций, его группа из трех человек продолжала метр за метром отгрызать у противника территорию нового терминала аэропорта.

– Твою мать! Это называется лестницей?!

Сооружение, представшее перед глазами бойцов, могло с

большим успехом пользоваться, как центральный элемент полосы препятствий для тренировок крутых спецназовцев. В двух местах этой лестницы зияли огромные дыры от снарядов, оставляя проход шириной не более ступни. Примерно посередине была еще одна дыра, точнее пролом или провал, в котором бетона вообще не было. Лишь нескольких прутьев арматуры.

– Метра полтора придется перепрыгивать... – Повар тоскливо смотрел на это коллективное военное творчество в стиле не то абстракционизма, не то сюрреализма.

– Ну, придется, так придется! Повар, вперед! – приказал Стас.

Парень закинул за спину автомат и стал медленно подниматься по лестнице, довольно отчетливо комментируя свое восхождение матами всех частей речи – от существительных до глаголов. Вот и провал. Перепрыгнуть нужно было полтора метра плюс полметра в высоту.

Повар подобрался и прыгнул. Он сумел преодолеть полтора метра пустоты, но при приземлении его качнуло назад. Пацана спас железный прут, торчащий прямо из стены. Он успел за него схватиться и удержать равновесие. Вскоре парень был на верхнем этаже.

– Ну, примерно так и перебираемся, – философски проговорил Стас.

– Давай, Потемкин, твоя очередь.

«Никогда не думал, что так боюсь высоты», – с колотя-

щимся сердцем Александр смотрел на разверзшуюся под ним пропасть, на дне которой была мешанина из бетона и стали.

Шаг, второй, третий. Вот и провал. Как раз под ним внизу высилась перебитая колонна, из которой вверх торчала арматура.

«Буду похож на жука в гербарии, пришпиленного булавкой», – Саша выдохнул и резко оттолкнулся от последней перед провалом ступеньки.

Мощная доза адреналина и молодые сильные мышцы перенесли Чернышева над гербарием и благополучно приземлили на верхней части лестницы. Вскоре к своим людям присоединился и Стас.

Наконец группа подобралась к груде кирпича и бетона, за которой открывался вид на аэродромное поле. Справа дымилась огромная, с четырехэтажный дом каменная гряда. Это все, что осталось от наблюдательно вышки, которую только вчера ополченцы сумели-таки добить, обрушив своей артиллерией и похоронив под ее обломками ненавистных коррективщиков. Еще правее высились зеленые с золотым купола монастыря, из которого артиллерия ДНР благополучно сжигала всю технику, пытавшуюся пробиться на помощь к украинским войскам, удерживающим терминал. Слева, в каких-то двухстах метрах – прямой выстрел из калаша был виден рукав для приема самолетов.

– Вот отсюда по замыслу Гиви киборги-пидорги должны

сыпануть, – Повар устраивался поудобнее на груде кирпича, отыскивая надежную опору для ног – при стрельбе с автомата довольно сильная отдача и если хорошо не зафиксировать тело, кучности стрельбы не будет.

И они действительно сыпанули. Минут через двадцать. Пять человек в зеленых касках, в какой-то светлой униформе с яркими желтыми повязками на рукавах побежали от рукава наискосок, к одиноко стоящему двухэтажному зданию, точнее остову от него.

Их стремительное появление было настолько неожиданным, что несколько секунд они могли бежать совершенно свободно. Первым на изменившуюся ситуацию отреагировал Саша. Как охотник реагирует на удирающую дичь, чисто рефлексивно, не думая. Короткая доводка стволом и палец утопил спусковой крючок. Автомат привычно забился в руках и словно на расстоянии толкнул в спину одного из бегущих людей. Тот рухнул на бетон. Остальные, мгновенно оценив, что до здания им не добежать, бросились обратно в рукав. Тут же затарахтели автоматы Историка и Повара. Еще один человек в светлом камуфляже с желтой повязкой на рукаве споткнулся. Но его тут же подхватили бегущие рядом товарищи и заволокли обратно в здание. Откуда-то слева по группе Стаса начал бить крупнокалиберный пулемет. Саша почувствовал, что в лицо будто дунуло горячим воздухом – в сантиметре от его лба пронеслись на сверхзвуковой скорости шестьдесят четыре грамма легированной стали. Силь-

ный звук удара бронебойной пули в бетонную стену рядом с ним и резкая боль в левом глазе для него произошли практически одновременно. Со стоном, хватаясь за глаз, Чернышев упал на колени.

– Что там, Саня? – услышал он голос Стаса.

– В глаз что-то ударило, пробормотал Александр, с ужасом чувствуя, как по его ладони, закрывающий травмированный глаз побежала кровь.

– Гиви, у меня трехсотый, – кодированное сообщение ушло в эфир.

– На, Потемкин, держи, – Чернышев услышал голос Повара и почувствовал, как в его руку вложили бинт. – Промокни и убери руки, а то еще инфекцию занесешь.

– Перевяжи его, – скомандовал Стас.

– Руки убери! Давай, давай, не ссы! Попробуй глаз открыть! Видишь что-нибудь?

– Нет...

– Хреново, – Стас посмотрел на Чернышева. – Ладно, Потемкин, не дрейфь. Прорвемся!

Повар наложил повязку на глаз Саше:

– Во, настоящий Потемкин! У того какого глаза не было? А, Историк?

– Левого... – за товарища ответил Саша.

– Ну, все точь-в-точь! – несмотря на трагичность ситуации, Повар и Стас рассмеялись. Усмехнулся и Саша.

– Историк, что у вас? – выплонула из себя рация на груди



Стаса.

– Все в порядке. Выход из рукава контролируем. Укропы пока не лезут.

– Кто трехсотый?

– Потемкин. В глаз ранили. Передвигаться может.

– Понял. Продолжайте контролировать выход. Ночью вас сменят.

Их действительно ночью сменили. К тому времени у Александра Чернышева левый глаз пылал. Повар ему пару раз менял повязку, так как прежняя насквозь пропитывалась кровью.

Когда Саша пробирался в крошечной тьме по грудам битого кирпича и бетона, стараясь не напороться на куски арматуры, в его голове крутилась смешная фраза из детского мультфильма: «Как корабль назовешь, так он и поплывет». Раз Потемкин, значит должен быть одноглазым!

\* \* \*

**Донецк, военный госпиталь, проспект Ильича, 12.  
20 января 2015 года**

– Ну что, Потемкин, как дела? Мне врачи сказали, что твой глаз видеть будет.

– Привет, Историк. Да он видит, только хреново. Вдали все расплывается.

– Ну, ничего. Как говорят – время лечит. А ты молодцом в

аэропорту себя вел. Даже укропа завалил, – Стас внимательно посмотрел на Александра.

Тот понял этот взгляд.

– Изучаешь, мучаюсь ли я из-за этого?

– Ага. А то у нас тут некоторые интеллигенты в первом бою или обосруться, или потом терзают себя всякими на хрен никому не нужными гуманитарными рефлексиями.

– Не волнуйся, я не из таких. Для меня это враг с оружием. Поэтому его надо уничтожить. Тут все очень просто и банально. Или ты его, или он тебя. Остальное – его мать, мысли и прочий богатый внутренний мир сейчас не играет никакой роли.

– Ну что, скажешь, молоток, Потемкин! – Стас широко улыбнулся. – Ничего, отобьем Малороссию у бандеровцев, и снова будем заниматься историей. Ты своей любимой екатерининской эпохой, а я... нет, я историком уже не буду. Я так и останусь военным. Че то мне кажется, что в наше время работы военным будет хватать. Вступили же в эру Водолея, мир переформатируется. Тут без самого эффективного и быстрого реформатора – калаша никак.

– Давай сначала хоть Донецкую и Луганскую область освободим. Мариуполь еще не наш! А ты размышлял о Малороссии! Наши деды-отцы на нашу голову сделали большой запас прочности Украине. Так что эти недоумки-бандеровцы ее не сразу развалят.

– Мы ускорим! – Стас вновь широко улыбнулся. – Я тут

недавно небольшое филологическое исследование провел. Знаешь, как по-латински будет край? Марго! Значит Украина – это Маргиналия. Бандеровцы, стало быть, маргиналы, что полностью соответствует действительности! Когда в стране столько маргиналов, ее никакое волеизъявление народа, никакое народное голосование не спасет. Последний шанс – это голосование в Киеве Псковской десантной дивизией. Если не хватит голосов, то присоединить Кантемировскую танковую дивизию! Время дискуссий прошло. С людьми в Киеве, которые развязали в стране гражданскую войну, спорить о европейском или евразийском пути страны мы не будем. Мы их будем судить!

– Ага, в демократическом европейском Гаагском трибунале, – съязвил Саша.

– Не дождутся! Будет Донецкий трибунал. К такому трепетному процессу мы холенные чистенькие европейские ручки не допустим. Уж больно они шаловливые. Ими бы карточные фокусы показывать.

– Они и показывают! – друзья рассмеялись.

– Новороссию сливать нельзя. Никак, – голос Стаса мгновенно стал серьезным. Сольем, потеряем весь Русский мир.

– Ну, ты загнул. Россия до Владивостока! А тут ошметки двух областей, – возразил Саша.

– Знаешь, в любой арке, большой, маленькой, есть центральный камень. Называется он замковым. Выдерни его и вся конструкция рухнет. Россия, как не крути, это империя.

Значит народ, который его создал – имперский. У него менталитет имперский. То есть у русских, как этноса, имеется достаточное количество людей, для которых надличностные ценности, мощь их государства, его величие важнее стоимости колбасы в магазине. Этим к счастью мы отличаемся от лягушатников, макаронников и прочих изнеженных европейцев.

– Мы? Стас, ты вроде украинец. Да и я тоже. И Гиви.

– Мы не украинцы. Мы – малороссы. Южная ветвь русского этноса. Как бы не пыжились доказать обратное разные бебики и прочие бандеристорики. Для нас, русских, потеря Новороссии, это как выдернуть замковой камень. Новороссия сейчас – это символ возрождения величия Русского мира. Ну не можем мы жить с сознанием третьесортной державы. Даже второсортной. Только первые роли! Без этого – деградация, пьянки, бессмысленная бытовая жестокость и прочие прелести нашей изнанки, о которых так любят смаковать наши западные доброжелатели. Вспомни девяностые! Тогда, казалось, замковой камень у русской нации выдернули. К счастью, пиндосы ошиблись. Так что Новороссия – это для Русского мира Сталинград третьего тысячелетия. Так что бьем бандеровцев сколько хватит наших скромных сил, – Стас улыбнулся.

– Забавно слышать выражение «наши скромные силы» от человека, с двухсот метров кладущего с калаша в десятку.

– Что есть, то есть. – Историк вновь улыбнулся. – Ново-

россия, если хочешь, первый гвоздь в гроб американской мечты Pax America.

— Ну, это ты уж точно загнул, — Александр рассмеялся.

— Ничего я не загнул! — возразил Стас, азартно блестя глазами. — Пиндосы уже давно живут за чужой счет, навязав всем свои зеленые фантики-доллары. Они действуют как громилы. Если не хочешь за эти фантики отдавать свой товар, получай по башке демократической дубинкой. Ты знаешь, что за год долг пиндосов увеличивается на пару триллионов долларов? Триллионов! То есть ежегодно они у других отнимают вещей и еды на пару триллионов долларов. Отнимают по праву сильного. Всех других они справедливо считают своими вассалами. Теперь представь, что кто-то сказал нет, и не согласился подчиниться пиндосам. Один раз, другой, третий. И все. Нет авторитета. Нет страха. Тогда наступит для Пиндосии п....ц. Ведь столько, сколько они сжирают, они не производят. Доллар будет стоять, сколько он и должен стоять без силовой составляющей. А она минимум процентов семьдесят в нем. Ты думаешь, зачем Путин с китайцами золото скупают? Потому что хотят уронить доллар. Тогда в Америке начнется самое крутое кино, Голливуд отдыхает. Запасайся попкорном. В Штатах миллионы людей никогда не работали, а живут на социалке. В одном нью-йоркском Гарлеме таких два миллиона негров. А тут вдруг им на халяву перестанут давать жрать. А сколько у населения стволов? Я помню, когда малый был, у них ураган раз-

рушил Сан-Франциско. Я тогда был поражен, что творили американцы. В спортзалах, куда свозили людей, чьи дома были разрушены, насиловали женщин. По полицейским вертолетам люди, сидящих на крышах своих затопленных домов, стреляли, если те пролетали мимо, а не эвакуировали именно их. Голливуд любит снимать про пост апокалипсическое будущее. Когда все против всех. Знают, суки, про сущность своего народа. Так что Новороссия – это один из гвоздей в американский гроб. И я с удовольствием помогаю его туда заколачивать, уничтожая укросвидомых. Чем быстрее мы их перебьем, тем быстрее возродим свою родину – Малороссию, страну от границы Крыма по Днепр. А Галицию пусть Польша забирает. Шляхте привычней в стойло эту мразь загонять. Чем быстрее единоУкраина умрёт, тем быстрее наступит рассвет на нашей израненной, отравленной «свидомым» нацизмом земле. Чем быстрее мы убьём единоУкраину, тем быстрее начнётся возрождение, восстановление экономики и производства. У нас, нормальных людей, так же как и у наших дедов семьдесят лет назад лет назад, цель одна – уничтожить нацизм. Поэтому нацистское преступное государство единоУкраина должно быть уничтожено. Я это говорю, как гражданин Украины! Я больше двадцати лет наблюдал, как рождается этот монстр, выползший из галличанских схронов и заразивший своим смрадным дыханием и зловонием, своим «Слава нации, смерть врагам» нашу землю. Его нельзя оставлять в живых. Это существо в синих и жёл-

тых цветах гниющей трупной кожи, кривящее окровавленный рот в крике «Слава Украине» и ковыляющее по живым землям Донбасса, надо убить. Спокойно и без эмоций. Чтобы родилось новое будущее. Будущее для людей, а не для «свидомых».

– Стас, а сколько ты убил людей?

Блеск в глазах товарища Александра мгновенно пропал.

– Точно – четверых, – будничным тоном ответил он. – А там, кто его знает. Не всегда же видишь результаты своей стрельбы. Ладно, Потемкин, выздоравливай. Тебе еще ждут великие дела! Впереди Дебальцево! – Стас пожал парню руку.

Он был умным человеком и как профессиональный историк мог предугадывать различные события. Ведь История – дама ленивая, поэтому действует по шаблону. Все современные события уже когда-то происходили только с поправкой на возможности людей. Но сейчас Стас даже подумать не мог, насколько его шутливая фраза окажется пророческой. Не мог это подумать и Александр Чернышев – Потемкин. Но, Аннушка уже пролила масло – конфигурация пространства-времени около практически неизвестного донбасского городка Дебальцево выстроилась в нужную конфигурацию – звезды дали добро на фантастическую метаморфозу. Нужен был только толчок.

**Дебальцево, Украина, район железнодорожного вокзала, 17 февраля 2015 года.**

— Ну что, пехота, по коням, поехали! — командир батальона «Сомали» Гиви махнул рукой, и его бойцы дружно стали карабкаться на утробно рычащие танки.

На одном из них оказался Александр Чернышев. Так для него начался последний аккорд в той эпопее, которую потом назовут Дебальцевским котлом. Батальон Сомали совместно с другими подразделениями ЛНР и ДНР начали штурм Дебальцево.

Ночью Саша практически не спал, нервишки расшалились, будь здоров. Точнее будет сказать, разбушевались.

«Если это предчувствие смерти, вообще тоска, — Александра охватила легкая дрожь.

Он долго лежал с открытыми глазами, всматриваясь в низкий потолок хаты, в которой остановились переночевать бойцы подразделения Историка. Мыслей никаких не было. Абсолютно. Только эмоции, точнее одна — Тоска.

Под утро все же задремавшего Чернышева разбудил удар грома, принятый вначале за орудийный выстрел. За окнами что-то сильно полыхнуло синим.

— Мужики, ни х...я себе, зимняя гроза! — выкрикнул кто-то в темноте хаты.



Саша быстро поднялся и вышел во двор. Вовремя! Огромная молния, выскользнувшая из-за низких, едва просматривающихся на небе в предрассветном сумраке туч, своим вторым концом уперлась куда-то за кромкой темнеющего леса.

– Ни фиги себе! – произнес, стоявший рядом с Чернышевым, невысокого роста ополченец с позывным Кот. – Мой дед рассказывал, что его отец говорил про такие зимние молнии. Бывают они редко – раз в десять лет. И обязательно после них случается что-то нехорошее. Плохой знак.

– Ну, б...ь успокоил ты Кот!

– Не дрейфь, Потемкин! Семи смертям не бывать, а одной не миновать!

Через полчаса прозвучала команда Гиви:

– По танкам!

Разбрасывая траками комья земли вперемешку со снегом, старенькие Т-64 неслись по проселочной дороге, целясь своими стволами на ряд одноэтажных домиков, обозначавших окраину этого важнейшего железнодорожного узла. За их крышами виднелись клубы черного дыма – артиллерия ополченцев перед штурмом более часа обрабатывала позиции украинских войск, стараясь максимально нанести им урон и тем самым уберечь побольше жизней своим товарищам. Да, конечно, в Дебальцево было и мирное население, в том числе старики, женщины, дети. Но на войне почти каждый день приходится выбирать зло, которое меньше другого зла. Как не цинично это звучит, но жизнь бойца всегда ценилась вы-

ше жизни мирного жителя.

Вот мимо Александра и его товарищей промчались первые домики с наглухо задраенными ставнями окон. На побеленных стенах отчетливо были видны следы осколков и пуль. Промелькнула надпись на одном из домов: «Ул. Красноармейская». Судя по карте, она прямо выводила на железнодорожный вокзал. Мелькнула знакомая картина – выпотрошенная взрывом, дотла сгоревшая самоходная артиллерийская установка «Нона». Ее башня валялась в метрах двадцати, у крыльца разрушенного дома. Будто стараясь наполнить реальность как можно большим сюрреализмом, взрыв практически снес фасадную стену, но оставил практически без повреждений входную дверь с висящим на ней замком. Вот перед этой синей дверью и валялась башня «Ноны». Очевидно накрывая САУ, снесли и дом. На Донбассе не воевали высокоточным оружием. Возле свисающей с колес гусеницы лежал труп украинского солдата вперемешку с комьями земли, гильзами и прочим военным мусором. Тел остальных членов экипажа, оказавшихся в эпицентре чудовищного взрыва, отбросившего многотонную бронированную башню, видно не было. Наверное, им могила не понадобится вообще.

В конце улицы уже были видны железнодорожные рельсы и вокзальные постройки.

– Охо-хо! Даешь вокзал! – во всю глотку завопил Повар.

Но до вокзала они не доехали. Приказ, донесённый невидимой радиоволной, повернул танки круто вправо, заставив

их нестишь вдоль железнодорожных путей.

– Эй, стой! Мы так не договаривались! – опять завопил Повар.

– Да успокойся! – осадил своего подчиненного Историк. – Счас выедем на трассу ноль три. Там у укропов мощный блок-пост. За ним мост. Надо не дать им его взорвать.

Еще полчаса тряской езды. Еще полчаса мелькания разрушенных домов, сожжённой военной техники, легковушек и лежащих в некрасивых, противоестественных позах трупов. Одна картина поразила, уже успевшего навидаться всякого Александра. На обочине, врезавшись в деревянный забор, стояла, густо продырявленная пулями «копейка». В ней на переднем водительском сидении мертвая старушка. Рядом на асфальте – еще одно тело. Дедушка – водитель машины.

– Там за посадкой укропы, – прокричал на ухо Александру Стас. – Так что готовься!

– Ух ты, красотища какая! – неожиданно закричал Кот, указывая рукой куда-то вверх.

Саша перевел взгляд по направлению руки товарища и обомлел – на пасмурном сером небе, будто кто-то невидимый сделал гигантскую прорубь, в которой плавало яркое утреннее солнце. Вокруг него, словно нимб, полыхала всеми цветами радуга.

– Да, что-то природа сегодня вообще с катушек слетела, – задумчиво произнес Стас.

Но развить свою мысль он не успел.

Зловещий шелест, когда несколько десятков килограмм стали на сверхзвуковой скорости пронзают воздух, и резкий удар взрыва. В пяти метрах от танка, на котором сидели Стас и Саша, в небо взметнулась земля.

– Укропы уже в посадке! Рапирой<sup>4</sup> бьют! – закричал Повар.

Пять танков ополченцев, ехавших колонной, быстро свернули с шоссе и вытянувшись в линию, помчались на посадку. Оттуда заработало сразу несколько пулеметов. Пару пуль неприятно цокнули по броне рядом с Сашей.

– Спешиваемся!

Стараясь держаться в «тени» танков, бойцы батальона «Сомали» стали наступать на украинские войска, засевшие в посадке.

Бежать надо было метров шестьсот-семьсот.

– Эх, бэтеэрчика нема! – Повар выпустил перед собой короткую очередь.

Ребята-танкисты свое дело знали. Они сходу нащупали и разнесли две «Рапиры» и стали бить осколочными по посадке. Очевидно, украинские войска только недавно овладели посадкой и не успели, как следует окопаться. Не выдержав плотного огня, они стали откатываться.

Саша вместе с другими «сомалийцами» ворвались на позиции, где только что были укропы. Судя по апокалиптической картине, украинские войска накануне буквально вы-

---

<sup>4</sup> Рапира – 100-мм противотанковая пушка МТ-12

грызли посадку у ополченцев. Повсюду валялись трупы и украинских солдат, и бойцов ДНР. То там, то здесь, виднелись оторванные руки-ноги, разорванная в клочья и кое-где тлеющая униформа, гильзы снарядов, обрывки какой-то бумаги и прочий мусор. И везде темно-коричневые пятна крови, перемешанные с грязным снегом, листвой и землей. Почерневшими братскими могилами высились несколько остовов сгоревших БМП, да валялась верх колесами пара «Рапир». Война вместе со Смертью в этом месте устроили зажигательный канкан.

Выбежав с другой стороны посадки, Саша увидел несколько десятков украинских солдат, бегущих по поля в сторону трассы. Там же ехал один БМП с развивающимся сине-желтым флагом.

– Не успеют! – возбужденно закричал Стас. – Мы вовремя подскочили!

Саша понял, что его друг хотел сказать. На трассе, в километрах двух от них виднелся мост, перед которым высилось несколько внушительных сооружений из бетонных блоков, соединенных между собой стенами из мешков с песком. Украинским солдатам бежать до него оставалось около километра. Пробежать это расстояние по осенне-зимнему полю до того, как тебя настигнуть танки, было нереально.

«Сомалийцы» вновь попрыгали на броню.

– Йо-хо-хо! – глаза Повара возбужденно блестели.

Исходящая от него волна азарта окатила и Александра.

Азарта охотника при виде добыче. И неважно, что добыча была двуногая. Наоборот, это еще больше заводило. Что интереснее, подстрелить зайца или завалить волка? А война, обстрелы сел и городов, смерть женщин и детей практически обнулили сдерживающий фактор гуманизма.

– Йо-хо-хо! Наматывай укропов на гусеницы! – вновь заорал Повар.

Расстояние между бегущими и танками ополченцев быстро сокращалось. На блокпосте как могли, помогали своим, открыв стрельбу по танкам из всего, что имелось. Еще несколько секунд и на поле один за другим стали появляться украинские танки, выезжающие из-за бетонных укрытий. Плотность огня резко возросла.

– Ё-моё! – прошептал Саша. – Встречный танковый бой!

Он понимал, что ему и остальным «сомалийцам», которые оказались в самом пекле практически без всякой защиты, придется очень туго. Легкие броники в данной ситуации помогут так же, как водолазный костюм в космосе.

«Вот тебе и зимняя молния, – какое-то нехорошее, прямо ледяное предчувствие буквально физически сжало сердце. Картинка – гриб взрыва на месте под завязку забитого солдатами удирающего украинского БМП и хорошо знакомый шелест снаряда пришли в мозг Александра одновременно. Потом мгновенно стало жарко, и уже ничего не видя и не слыша, парень почувствовал, что он будто рванул в небо.

«К той радуге вокруг солнца», – успел подумать Черны-

шев.

Дальше просто стало темно...

Саша не мог знать, что в последнее мгновение он успел услышать звук подлетающей к его танку противотанковой ракеты. После этого все было «просто» – срабатывание детонатора боевой части ракеты о башню танка, тысячеградусная кумулятивная струя, прожигающая восемьдесят миллиметров брони как раз в месте размещения в башне конвейера автоматического заряжания и детонация боекомплекта. Спустя мгновение многотонную башню Т-64 будто мячик пнули ногой, а на ее месте забушевал всепожирающий огонь, отправивший в Чистилище души экипажа танка и ополченцев, сидевших на его броне – Историка, Повара, Кота, Рудого, Шалуна. Потемкина в этом списке не было. Относительно его у Господа были другие планы...

## Глава 2

– Глядь, вроде оклемался. Ишь, как ресно<sup>5</sup> зателепались.

Реальность медленно вползала в оглушенный взрывом мозг Саши. Сквозь полуоткрытые глаза он увидел какие-то силуэты людей, склонившихся над ним. В нос ударил едкий запах пота, дыма и чего-то прогорклого. Чернышев вгляделся. Над ним, присев на корточки, сидели двое бородатых мужчин в овчинных тулупах. Сам он лежал на какой-то дорожке, постеленной на соломе.

– Где я? – прошептал Александр.

Двое бородачей над ним оживились.

– Ишь, по-нашему глаголет! Не иноземец, стало быть, – обратился один к другому.

– Да ты глянь на евойный кафтан. Наши такие не носят. А ежели по-нашему глаголет, то точно поспешник диявола! На огнище его!

– Остынь, Еремей. Надо его нашему батюшке показать. Как скажет, так и будет.

Сбитый этими разговорами, Чернышев никак не мог понять, что происходит. На какое огнище? На костер что ли? Так он в плену у укропов? Да не похожи эти двое на укропов. Саша пытался осмыслить происходящее. Последнее, что он

---

<sup>5</sup> Ресно – ресницы



отчетливо помнил, это встречный танковый бой, взрыв украинского БМП, шелест снаряда, а дальше что-то горячее, сильный рывок куда-то вверх и все. Обрыв видео.

«Наверное, снаряд попал в танк, сработал боекомплект, меня отбросило. Наши откатились и меня подобрала укропы. Только какие-то странные укропы», – Чернышев еще внимательней всмотрелся в мужчину.

Спутанные волосы на головах, лопатообразные бороды, обветренные красноватые лица. Александр будто смотрел на ожившие репродукции крестьян прошлого из учебников истории. И эти разговоры...

«Так сейчас на Украине не говорят. Ни на востоке, ни на западе... Так говорили раньше... глаголет, иноземец, поспешник... Черт возьми. Да что же происходит!» – Чернышев попытался приподняться, чтобы лучше оглядеться и понять, где он находится.

Один из мужчин грубо толкнул его в грудь, прижимая к соломе.

– Агафон, его б связать надо. Больно прыткий он. Сбежит еще. Интересную птицу мы поймали. Ты ток глянь на его фузею. Точно иноземный шпиен.

– Может за него и заплатят что-то, – второй бородач начал вытаскивать из-за пазухи веревку.

– И то верно. А то сразу на огнище. Толку нам от этого будет?

«Фузея? Так называли в России ружья в восемнадцатом

веке. В двадцать первом это слово только историки и знают. А тут два каких-то бородача... Я что, в восемнадцатом веке? Бред какой-то...», — Александр застонал, бородач слишком сильно сделал первую затяжку веревкой на его руках.

Но довязать он не успел.

Извне донесся какой-то гам, крики. Дверь резко распахнулась, впуская в комнату порцию свежего морозного воздуха и целую толпу мужчин и женщин в явно старинной одежде.

— Вот он! — старик, вбежавший первый, ткнул пальцем в Чернышеву. — Вот он, поспешник дьявола! Антихрист. Дома наши жжет! На огнище его! Где это видано, что б такая зимой гроза была! Да с такими молниями! Прямо в дома втыкались! Так токо Антихрист мог явиться!

Стоящие сзади мужики и бабы поддержали старика:

— На огнище его!

— Сжечь Антихриста!

— Тащи его!

Мужчина, вязавший руки Александру вскочил и закричал:

— Да уйми ты их, Епифан! Это шпиен иноземный! Ты на его фузею тока глянь! Его в город надоть.

— Сжечь его! — из-за спины старика выскочила какая-то женщина, со сбившимся на голове головным убором, с какими-то смешными рогами. — А то не буде нам покоя. Из-за него две хаты сгорело! У Марфы немовля в дыму задохлось!

– У Тихона от хаты Марфы хлев занялся! Корова сгорела! – выкрикнул кто-то из-за спины женщины. – Тихон, чего молчишь?

– Да что там гутарить. Хватай его! На огнище! – оттолкнув женщину, вперед выдвинулся высокий молодой парень. Его тулуп был перепоясан ярко-красным поясом.

Путь ему попытались преградить бородачи, притащившие Александра в хату. Но парень, обладал большой силой. Он отшвырнул их и рывком, схватив за куртку, поставил Чернышева на ноги.

– Держи его, народ! – и он толкнул его в толпу.

С пяток пар рук вцепились в Александра, стали заламывать руки и тащить из комнаты.

Благодаря тому, что Александр казался на ногах, он смог немного лучше разглядеть, где он находится. Немного, потому что, когда тебя швыряют как кеглю, сосредоточиться очень трудно.

Низкое помещение с закопченными, точнее покрытыми сажей потолком и стенами. Пол глиняный. Интерьер предельно спартанский – в углу, чуть ли не на половину комнаты печь, украшенная синими крестиками, слева в углу, на дощечках стояло несколько икон, рядом с ними лежало пара засушенных цветов. Воль стены примостился сундук, а ближе к окну стол и лавка. С другой стороны печи прислонена к ней была кочерга, а на полке темнела утварь.

Чернышев больше не сомневался. Каким-то образом он

оказался в прошлом, предположительно в 18 веке. Как это случилось, обдумывать времени не было. Мозг парня просто принял это за истину, аксиому, инстинктивно ухватившись за более насущное сейчас – спастись!

– И фузею его сжечь! Дьявольское это оружие!

Парень, перепоясанный красным поясом, схватил, лежащий на столе калаш.

На несколько мгновений Александра перестали теревить и толкать. Все невольно устали на незнакомую вещь, инстинктивно внушающую благоговение. Так, наверное, индейцы смотрели на вещи испанцев, казавшихся им фантастическими. Так там были технологии шестнадцатого века. А тут, поблескивая вороненной сталью, предстало оружие двадцатого века, в мгновение ока перенесенное в восемнадцатый.

Чернышев, конечно, никакого благоговения не испытывал. Калаш он и есть калаш, к тому же основательно потрепанный. Его внимание привлек другой предмет. На столе тихо так себе лежала граната Ф-1. На фоне зеленой, в крупных квадратах поверхности, отчетливо выделялось блестящее кольцо чеки. Стоит его дернуть и через четыре секунды эти «квадратики» изрешетят практически всех, кто находится в комнате.

Решение пришло мгновенно. Мозг, оттолкнувшись от истины, что он находится в восемнадцатом веке, сделал впечатляющий кульбит:

– Слово и дело государево! – громко раздалось в хате.

Визг, ругань, крики мгновенно стихли. Шутка ли. Ведь такие слова человек произносил, когда знал, что где-то замышляется измена или умышление на государево здоровье и честь. А всякого, кто будет препятствовать, чтобы на злоумышленников было донесено, автоматически сам становился государевым преступником и подлежал казни.

Александр почувствовал, что хватка державших его рук ослабла. Все, пора! Он с силой рванулся, боднул стоящего перед ним мужика в лицо, кого-то с силой толкнул и в два прыжка оказался возле стола. Судорожно схватил гранату. Чека податливо выскользнула из паза, и теперь ударник удерживался лишь рычагом, прижатым потными пальцами Чернышеву.

– Бомба! Взорву всех на хрен! Расступись!

«Надеюсь, в восемнадцатом веке понимали, что такое на хрен», – у студента-историка из двадцать первого века явно были пробелы в образовании.

В комнате возникла паника. Завизжали бабы, мужики зачастили матами:

– Ептыть твою мать!

– Ах, проныра!

Александр рванул свой автомат из рук опешившего мужика. Но тот, несмотря на растерянность, выпускать из рук «фузею» не захотел и неожиданно с силой толкнул Чернышева в грудь. Толчок был настолько силен, что левая рука

Саши, схватившаяся за автомат, выпустила его. Парень увидел, что его противник замахнулся калашом, как дубиной. И тогда по полу скользнула «лимонка»...

Боец ДНР, прошедший донецкий аэропорт и Дебальцево, тут же рухнул. С каким-то утробным рыком на него бросился какой-то мужик. И тут рвануло шестьдесят грамм взрывчатого вещества гранаты. Три сотни осколков отправились за своими жертвами. Вопли, стоны, какой-то треск – все это стало удачным звуковым оформлением того, что происходило в хате.

Обычная сельская мазанка восемнадцатого века явно не была рассчитана на оборонительную гранату двадцатого века. Ее ударная волна легко развалила ближайшую к взрыву глиняную стену. Потеряв опору, затрещали бревна перекрытия. Все заволочло пылью.

Александр услышал, как ойкнул навалившийся на него мужик. Почувствовал, как он дернулся и тут же затих. Чернышев спихнул с себя обмякшее тело, спасшее его от осколков, нащупал автомат, потянул к себе. Парень с ярко красным поясом, затеявший потасовку и не отдававший автомат, теперь не возражал. Осколок из каленого чугуна разворотил ему череп. Чернышев поднялся на ноги. Сквозь пыль были видны тела людей, посечённых осколками. То тут, то там раздавались стоны. Взгляд наткнулся на одного из мужиков, которых первым увидел Александр, когда пришел в себя. Кажется, его звали Еремеем. Осколок гранаты попал

ему в грудь и видно перебил какую-то крупную артерию – на теле расплылось огромное, почти во всю грудь пятно крови.

«Эх, Ерема. Ерема...» – задержавшись лишь на мгновение, Чернышев перешагнул через тело.

За те несколько месяцев, что, изнеженный цивилизацией городской мальчик, провел там, где реально убивают, где снаряд «Града», «Гвоздики» или «Гиацинта» в мгновение превращает человека в плохо освежёванную тушу, он привык к крови. Поэтому вид убитых им ни в чем не повинных людей надолго его не задержал.

Возле двери тела громоздились друг на друге. Поэтому пришлось идти прямо по ним.

В глаза ударил яркий свет. Александр огляделся. Все вокруг было занесено снегом. В этом белом пространстве, то тут, то там высились, беленькие хатки. Впрочем, высились – это слишком громкое слово для тех сооружений, которые буквально задевали сугробы своими соломенными крышами. Правильнее будет сказать, торчали. Из некоторых, через дверь вился черноватый дым и отвесным столбом уходил в небо.

«Вот, что значит топить по-черному, – мелькнуло в голове несостоявшегося историка. Сомнений больше не было. Он находился в прошлом, в далеком прошлом. – Минимум восемнадцатый век, Точнее максимум. А может и семнадцатый или еще раньше».

Да и этот снег – глубокий и ослепительно белый. В по-

следнем бою под Дебальцево снег был совершенно другим – едва покрывавшим землю и в лучшем случае сероватым. Плюс мороз. Если снег еще мог за ночь нападать, пока он был без сознания. Но откуда так резко взялся такой мороз, не меньше двадцати градусов? Тогда же температура болталась где-то около ноля.

– Елы-палы. Вот это влип! – концовку своих невеселых мыслей Александр Чернышев произнес вслух.

Но особо предаваться унынию времени не было. Привлечённые сильным взрывом и взвившимся вверх столбом пыли и дыма, к хате, откуда только что выскочил Саша, бежали мужики. У всех в руках топор или вилы.

Руки уже вьевшимся рефлексом поставили переводчик огня на одиночную стрельбу.

– Стоять! Стрелять буду! – Чернышев навел автомат на ближайшего к нему мужика.

Тот замер. Несмотря на необычный для него вид, крестьянин восемнадцатого века отлично понимал, что перед ним оружие, которое убивает. К калитке, ведущей во двор, подбежало еще несколько мужиков. Вскоре метрах в пятнадцати перед Александром теснилась толпа человек в двадцать. Все сплошь мужики, вооруженные вилами, топорами и кольями.

Имея надежный калаш, неплохие навыки в стрельбе и психологическую устойчивость в стрельбе по людям, Чернышев мог без труда расчистить себе путь. Но было несколько существенных «но», которые прочно обосновались в го-



лове начавшего понемногу успокаиваться парня. Во-первых, убивать не хотелось. Ведь это же не враги, а, в общем-то, свои люди, вполне возможно предки тех, с кем через два с лишним века Александр плечом к плечу будет отбиваться от бандерлогов. Конечно, сунься эта толпа на него, то боец батальона Сомали не колеблясь, открыл бы огонь на поражение. Полгода гражданской войны прочно впрессовали в голову аксиому – на войне, если хочешь остаться в живых, в первую очередь думай, что перед тобой враг, которого надо успеть убить первым. Лишь потом, на досуге, можно вспомнить, что это был твой соотечественник и вполне возможно, что у него остались дети и прочий шлейф социальных обязанностей.

Во-вторых, Александр Чернышев не знал, что ему дальше делать. Абсолютно. Пока все его действия диктовались элементарным инстинктом самосохранения. Это все равно, что бурого мишку выдернуть из тайги и забросить в саванну. Ну, сначала надо отмахаться ото львов, шакалов и прочих гиен. А потом? Все время же не будешь отмахиваться от всего нового для тебя мира. Надо в этом мире свою тайгу строить.

Между тем мужики, подталкивая друг друга, медленно надвигались на Сашу. Тот отлично понимал ход их мыслей. «Фузея» в их понятии могла выстрелить лишь один раз и все. Значит, могло не повезти лишь одному человеку. После же выстрела этот странный человек становился абсолютно беззащитным.

– А ну стоять! – Александр чуть отвернул ствол вправо и четыре раза выстрелил по тыну, выбивая из него щепу. – У меня зарядов на все ваше село хватит!

Громко заржала запряжённая в сани лошадь, привязанная к столбу рядом с разрушенной хатой.

Толпа, выдохнув из себя разноголосую нецензурную речь, отпрянула назад.

«Прежде, чем что-либо предпринять, необходимо собрать максимум информации. Это аксиома не только в военном деле, но и в жизни. А где добыть информацию? Да взять языка!» – мозг прищельца из будущего начинал медленно нащупывать «дно под ногами», о которое можно было опереться.

Чернышев еще раз окинул взглядом двор и окрестности. Взгляд упал на лошадь, косившую на него шальным взглядом.

– Эй, ты, а ну подойди к лошади! – Александр ткнул автоматом в сторону ближайшего к нему мужика.

Тот со страхом отпрянул.

– Кому говорю, к лошади! Или застрелю на хрен!

Видя, что мужик продолжает колебаться, Чернышев стрельнул ему под ноги. Пуля взбила фонтанчик снега.

– Барин, не убивай! – мужик повалился на колени.

– Встать! К лошади!

Кряхтя, тот поднялся и со страхом, не сводя глаз с автомата, двинулся к беснующемуся из-за выстрелов животному.

– Вилы брось! Отвязывай лошадь! Остальные от калитки

отошли на пятьдесят шагов! Быстро!

Толпа начала пятиться.

– А ну стой! Вон ты, – Чернышев ткнул стволом в сторону рослого мужика. – Сбрасывай тулуп. Живо!

«На улице минус двадцать точно. В своем камуфляже замерзну за пару часов. А броник спасает от пуль, а не от мороза. Так что деваться некуда», – бывший студент историк, бывший боец ДНР, а сейчас непонятно кто смотрел на то ропливо сбрасывающего с себя тулуп мужика.

– Может и верну когда, – Александр натянул на себя тяжелую зимнюю крестьянскую одежду восемнадцатого века. – А сейчас, давай, пятьдесят шагов назад.

«Может броник скинуть? – мелькнуло в голове. – Да нет. Береженного бог бережет. Как пар костей не ломит, так и лишние килограммы защиты не жмут».

Дождавшись, пока мужики отойдут на расстояние, гарантирующее, что если даже какой-то дурной селянин попытается снять его броском топора или вил, Чернышев скомандовал оставшемуся крестьянину:

– Садись в сани, вывезешь меня отсюда.

– Барин, не убивай! Не оставляй моих деток сиротами! – заблажил мужик.

– Будешь слушаться, жив останешься! Садись!

– А куда ехать-то, барин?

– Куда глаза глядят!

Вскоре Александр, в чужом тулупе, сидя на санях, проез-

жал мимо притихших хаток. Сани покачивало на снежных ухабах, и в такт ним подрагивал ствол автомата, хаотично отбрасывая в ослепительно голубое небо «зайчики». Солнце неспешно вскарабкивалось в зенит.

\* \* \*

**Район села Ильинка (будущее Дебальцево), Бахмутский уезд, Российская империя, 7 (18) февраля 1761 года.**

«Итак, я в прошлом. Это факт. Второй факт, что я точно не смогу понять, почему это произошло. Александр Чернышев все же историк, а не физик или математик. Всякие там искривления пространства, тоннели перехода и прочее я воспринимаю только как антураж к фантастическому роману. То есть предельно поверхностно. Так что, получается мне не выбраться?» – парень поежился, несмотря на то, что крестьянский тулуп хорошо защищал от холода.

Когда непосредственная опасность миновала, и он постепенно успокоился, все его существо отчетливо осознало – в этом мире он остался совершенно один. Причем, если человек остается один, то он хотя бы находится в привычной для него среде, в которой более-менее все понятно. А тут...

«Кстати, а все же конкретно, в какой век и год меня занесла нелегкая? Что то же надо делать», – Александр толкнул в плечо своего возницу.

– Как тебя зовут?

– Герасимом кличут.

– Ну, надеюсь, ты не му-му. Скажи, Герасим, какой год сейчас-то?

– Одна тысяча семьсот шестьдесят первый, барин.

– А день, месяц?

– Так межень сейчас, седьмое число.

– Межень? Это февраль что ли?

– Да, барин, февруарий.

«Седьмое. Значит вчера, когда меня нашли, было шестое... Бой был семнадцатого. Одиннадцать дней разницы. Ах, ну да, новый и старый стиль. Так разница вроде двенадцать дней. Нет, все правильно. Для даты девятнадцатого века разница составляет двенадцать дней. А для восемнадцатого – одиннадцать. И до дня моего рождения остается всего ничего – двести тридцать два года с хвостиком», – Александр невесело присвистнул.

Ему неожиданно, до выступивших слез в глазах захотелось домой. Увидеть маму, обнять ее, посмотреть в родные карие глаза. Увидеть своих товарищей по оружию, услышать их добродушный матерок.

«Вдруг, если я окажусь на том же месте, где меня нашли, я вновь смогу оказаться в своем времени? Вдруг там какие то врата времени образовались? И достаточно через них пройти с обратной стороны и все, здравствуй две тысячи пятнадцатый год! Как же я по тебе соскучился!» – мысль прочно

засела в голове Александра, согревая и вселяя надежду.

– Герасим, а что ты знаешь обо мне?

По лицу мужика пробежал страх, даже зрачки расширились.

– Не бойсь! Не трону. Говори, что знаешь.

– Да сказывают, что ты приспешник дьявола, а может и сам антихрист.

– Это я уже понял по оказанному мне теплему приему. Ты лучше скажи, что знаешь, как я попал в ваше село. Оно, кстати, как зовется то?

– Ильинка, барин, – охотно ответил мужик.

«Ну да. Дебальцево на ее месте возникнет только через век с лишним», – Александр нахмурил лоб, пытаясь вспомнить, что ему известно по истории здешнего края.

– Хорошо, Герасим. Так как я попал в твою Ильинку?

– Вчерась, барин, поутру откудава не возмись тучи набежали. Все небо заволокли. Я тогда подумал, не к добру все это. Думал, выюга сильная вдарит. А тут гроза зимняя случилась. Да такая, что и старики не упомнят. Молнии прямо в землю втыкались. Будто жалили ее за какие-то грехи. Мне дед, когда я мал еще был гутарил, что ежели такая зимняя гроза случится с молниями, быть беде!

«В две тысячи пятнадцатом гроза не утром, а ночью случилась», – мелькнуло в голове Чернышева.

Он остро почувствовал свою беспомощность. Погодные стихии, почти синхронно произошедшие с интервалом в

двести пятьдесят четыре года, как то были связаны между собой. Но понять эту взаимосвязь было все равно, что неандертальцу, окажись он в нашем времени, самостоятельно разобраться в зависимости между нажатием на кнопку дистанционного пульта и сменой каналов в телевизоре.

– Далее случилась беда. Одна молния попала в хату Марфы-вдовы. Она как раз снег от крыльца откидывала. Ну ее такшибануло, что она и повалилась в беспамятстве. А хата полахнула. Народ пока сбежался на пожар, ее дитя задохлось. Царство ему небесное, – Герасим перекрестился. – А вторая молния попала в хату Никифора. Но там все успели выскочить. Тока хата дотла сгорела. И еще от Марфиной хаты хлев у Тихона занялся. Корова угорела в нем.

Слушая мужика, Александр живо представлял, какая паника царила в селе вчера.

– Ну а я как в хате очутился? Что с неба свалился?

Если бы сейчас Герасим подтвердил, что да, с неба или еще фантастичней – возник на месте удара молнии в землю, Чернышев и в это бы поверил.

– Да нет, барин. У Еремея за околицей молния в стог сена попала. Он и занялся. Еремей вскочил на сани и к нему, стало быть, спасать. Вот аккурат возле стога он тебя и увидел. Ты в беспамятстве в снегу лежал. Еремей тебя на сани и привез в село. А кто-то потом и крикнул, что ты антихрист. Что токо он мог с молниями на землю явиться.

– Где этот стог ты знаешь?

– Да недалече отсюда, с версту навверное.

– Давай туда, – скомандовал Чернышев.

«Ведь этот Еремей меня спас. Не найди меня он тогда возле стога, замерз бы. Вон как мороз пощипывает. Градусов двадцать точно есть. Если не больше. А его так отблагодарил», – перед глазами Чернышева встала картинка из недавнего прошлого – лежащий в своей хате навзничь его спаситель с огромным темным пятном крови на груди.

Через двадцать минут езды возникший Александра крикнул:

– Приехали, барин. Вон около того стожка тебя Еремей и нашел.

Полуобгоревший стог стоял в метрах двадцати от дороги. К нему вели следы от лошадиных копыт и полозьев саней. В волнении Чернышев огляделся. Местность изменилась неузнаваемо. На посадку, из которой «сомалийцы» выбили укропов и повели атаку на их блок-пост и намека не было.

«Блок-пост укропов был перед мостом. Значит, где-то здесь должна быть речка».

– Герасим, а тут поблизости речка есть?

– А как же, барин, Лугановка. Она в версте будет отсюда, – мужик рукой указал направление.

«Похоже, что все же здесь. Да и стог в двадцати метрах от дороги. Примерно так и двигалась шестьдесят четверка, на которой я сидел».



– Давай к стогу.

Еще час Александр Чернышев петлял вокруг копны сена. Но чуда не происходило. Все так же лежал везде глубокий снег, все так же чернел полу обгорелый стог, а невзрачная пузатая лошадка жевала сено из него. Врат в двадцать первый век не находилось. Даже небольшой лазейки.

«Все. Финита ля комедия. О билете в обратный конец Судьба не позаботилась, – Александр устало прислонился к воняющему гарью стогу сена. На одном рефлексе проверил свои карманы. Маленький фонарик чтобы было удобно обу-страиваться в темноте, так как часто приходилось ночевать там, где не было света, армейская аптечка – бинт и шприц-тюбик с промедолом и его верный талисман – серебряный рубль. Плюс верный калаш, в рожке которого было двадцать пять патронов.

«Хорошо, что перед взрывом рожок успел поменять, а то вообще печалька была. Не густо мне двадцать первый век отвалил приданного, выдавая замуж за восемнадцатый. Ну, и на том спасибо. Что-то мой талисман вообще нюх потерял. В такие переплеты раз за раз попадаю, а ему хоть бы хны, – парень вздохнул. – Хотя бы в двадцатый век судьба забросила. Порезвился бы с букмекерскими конторами. Миллионером, может, стал. А так...»

Сильно захотелось есть. Это чувство голода как бы подвело черту под всеми надеждами Чернышева. Делать нечего. Надо как-то начинать учиться жить в этом новом для него

мире. А для начала надо себе обеспечить кров и еду. Без этого даже с калашом долго не протянешь. Голод и мороз быстро определяют тебя туда, где абсолютно все равно, какой сейчас век. Потому что там вообще нет времени.

\* \* \*

**Афонов зимовник (в пяти верстах от Ильинки). Тот же день**

– А ты часом не брешешь? – кряжистый мужик с красноватым обветренным лицом и лопатообразной бородой, в которой густо были видны седые волосы, сурово из-под лба смотрел на своего собеседника – молодого парня с легким пушком рыжеватых волос на скулах.

Тот вскочил и быстро перекрестился:

– Пахом, вот тебе крест! Несколько раз со своей фузеи выстрелил! Раз за разом. Бах! Бах! Бах! И гутарил, что в ней зарядов на все село наше хватит. А гутарит он как-то чудно. Вроде понятно, но не по нашенски.

– Куда делси этот антихрист?

– Он приказал Герасиму отвязать лошадь Еремы, и они оба уехали. А тятя сразу меня к тебе, Пахом, снарядил.

– Так куда? В сторону какую, дурень?

– К Козьминому зимовнику! – выпалил парень.

– Ну, что думаешь, Иван? – Пахом после длинной паузы обратился к третьему человеку, сидящему за столом, очень

похожему на него, только помоложе и уже в плечах.

– Фузея та знатная, – тихо произнес тот. – С такой и на черта идти не страшно, а не то, что на государевы вои.

– В корень зришь! Стало быть, братень, собирай братию. Пощупаем энтого антихриста.

\* \* \*

**Козьмин зимовник (в четырех верстах от Ильинки).  
8 (19) февраля 1761 года**

– Давай, давай! Сильнее, не церемонься! – горячечный шепот женщины еще больше подстегивал Александра.

– Фике, ну если хочешь сильней, тогда не обессудь! – и мужчина резким толчком вошел в женскую плоть, высекая из нее сдавленный крик.

– О, как ты меня назвал? Повтори!

– Фике, мой горячий зверек!

– Меня так в детстве называли! Откуда ты узнал!

– Это не важно. Сейчас мы маленькую девочку Фике вы... м, – и вновь сильный толчок мужской плотью.

– Как ты срамно говоришь! Как это возбуждает! Давай, не останавливайся! Ты мой князь!

Долго еще скрипело ложе великой княгини, не выдерживая напора страсти...

Хмурый петербургский рассвет заглянул в спальню буду-

щей императрицы Российской империи. А она, разметав по подушкам свои густые черные волосы, спала, перевернувшись на живот. Двумя пышными холмами белели царственные ягодицы.

Мужские губы начали нежно щекотать белую кожу, начав с миленькой шейки и спускаясь все ниже и ниже, заглядывая в самые потаенные уголки женского тела.

– Ты такой неугомонный, – томно произнесла Екатерина. – Я хочу, чтобы ты и сегодня ночью ко мне пришел. Я распоряжусь.

– Конечно, моя милая Фике. Мне же надо с тобой обсудить судьбу твоего супруга.

Александр увидел, как вздрогнула великая княгиня.

– Моего супруга? Я тебя не понимаю, мой милый.

– Он не должен подписать мирный договор с Фридрихом. Россия не должна выйти из войны с Пруссией.

– Но такой договор может подписать только его матушка, Ее Императорское Величество Елизавета Петровна! – возразила цесаревна.

– Она скоро умрет, и твой супруг станет Императором России.

– Ты ведаешь, что молвил сейчас крамолу? А... я домыслила... – пухленькая ручка Екатерины дернула за шелковый шнур, свисающий рядом с кроватью.

Где-то за дверью зазвенел колокольчик. Потом еще раз. Потом еще.

Дверь рывком распахнулась, и на пороге возникло два гренадера лейб-компаний<sup>6</sup> в своих эффектных красных камзолах и черных сюртуках. Свои огромные, в свой рост фузеи они держали наперевес. Трёхгранные штыки смотрели в грудь незадачливому любовнику цесаревны.

– Он замыслил худое против Ее Императорского Величества Елизаветы Петровны! – Фике, нисколько не смущаясь своего обнаженного вида, сидя на кровати указала на Чернышева. Слово и дело государево! Взять его!

«Сиськи у нее уже не зачетные, – мелькнуло в голове у парня, прежде чем два крепыша стали заламывать ему за спину руки.

Парню стало душно, он с силой дернулся, еще раз и ... проснулся.

– Фу ты, приснится же такое, – любовник Екатерины Второй мгновенно превратился в пришельца с другого времени, совершенно не знающего, что ему делать.

Впрочем... почему не знающего. А сон?! Мозг, наконец-то получивший полноценный отдых, подсказал, что нужно делать.

«Мне было обидно, что я попал в восемнадцатый, а не в двадцатый век? Мол, там бы я разорил все букмекерские конторы, делая правильные ставки. Вчера вы явно помелочи-

---

<sup>6</sup> Лейб-компания – привилегированная часть гвардии, состоящая из людей, которые совершили дворцовый переворот, в результате которого на престол возшла Елизавета Петровна.

лись, Александр Юрьевич. Ведь это же восемнадцатый век! Первая половина! Время женских дворцовых переворотов в России. Время блестящих фаворитов и головокружительных карьер! Подумаешь, букмекерские ставки на пару сотен долларов. А князь Римской империи, Светлейший князь Таврический не хотите, Александр Юрьевич!? А звание генерал-фельдмаршала и владение обширнейшими землями с сотнями тысяч крепостных, как вам!? Все это Потемкин получил благодаря Екатерине Второй и своей светлой голове. А какой у тебя, Сашок был позывной в Новороссии? Не Потемкин, чай? – и тут пазл окончательно сложился в голове Чернышева. – Господи, если это твой промысел, то я преклоняюсь перед тобой. А если просто Случай, то надо быть идиотом, чтобы им не воспользоваться!» – Александру Чернышеву, студенту пятого курса исторического факультета Днепропетровского Национального Университета стало предельно ясно, что он дальше должен делать, к какой цели стремиться. От такой цели по-настоящему кружило голову! В возбуждении парень выхватил из кармана свой талисман. С него, все так же уверенно смотрел лик Екатерины Второй.

«Так ты помогаешь! А я думал, что перестал действовать. Нет! Действуешь! Еще как действуешь!» – Чернышев крепко сжал серебряный кружочек и стал лихорадочно вспоминать, что должно произойти в России в ближайшее время.

Через девять с половиной месяцев, задыхаясь от кашля и рвоты с кровью, скончается дочь Петра Первого, государыня

Елизавета Петровна. На престол взойдет ничемный Петр Третий, Петр Федорович. Сын дочери Петра Первого Анны и герцога Гольштейна. Рожденный и воспитанный в Пруссии, он обожал все немецкое и своим кумиром считал Фридриха Второго. Родину своего великого деда и его дочери он не любил, точнее, ненавидел, как и ее народ. Едва взойдя на престол, он подпишет мир с Пруссией, трещавшую по швам в изнурительной для нее Семилетней войне с Россией, Австрией и Францией, которую потом многие назовут первой мировой, так как велась она не только в Европе, но и в Америке, Индии, Филиппинах. Несмотря на далеко не безупречное командование, русский солдат несколько раз бил пруссака и овладел Восточной Пруссией с Кенигсбергом, жители которого, включая гениального философа Иммануила Канта, успели присягнуть российской короне. Даже военный союз с Англией не спасал Фридриха от краха.

Вдруг этот нелепый мирный договор, по которому Россия отказывалась от всех занятых территорий и становилась союзником Пруссии и Англии. Тяжелый российский штык неожиданно лег на другую чашу весов и прусско-английская коалиция одерживает верх в этой войне.

Как историк, Саша Чернышев прекрасно знал, все даже отдаленные последствия этой нежданной победы. Самое главное – воинствующая, но маленькая Пруссия входит в круг ведущих европейских держав. Исторической инерции успеха в этой семилетней войне ей хватило, чтобы под сво-

им началом к концу следующего, девятнадцатого века объединить все немецкие земли. Возникла мощная Германия, последовательно развязавшая в очередном, двадцатом веке две мировые войны, которые с треском проиграла. В этот раз чуда не произошло. Правда в Первой Мировой войне Россия опять наступает на грабли, заключив сепаратный мир с немцами и вновь теряет возможность воспользоваться всеми преимуществами потенциального победителя. Но зато уже во Второй Мировой историческая правда восторжествовала. Россия воткнула свой флаг в купол Рейхстаг, заодно оттяпав пол-Европы и, наконец, забрала себе Кёнигсберг. А если бы Пруссию сломали еще в восемнадцатом веке?!

Но это не все последствия неожиданной концовки Семилетней войны. Франция, как союзник России и Австрии, вынуждена была уступить Англии свои владения в Северной Америке – будущую Канаду и частично США, а также большую часть своих колоний в Индии. А случись наоборот, тогда может Англия отдала бы свои индийские и североамериканские колонии Франции? Тогда будущие Соединенные Штаты Америки стали колонией не Англии, а Франции? И возможность мощно развиваться на обширных территориях получили не надменные англосаксы, а более миролюбивые и человечные французы?

«Вот это мы и попытаемся проверить. Россия времен Екатерины великой была мощной державой, способной надрать задницу любому государству. Кто не верит, может у турок



поинтересоваться. А зная, как будут развиваться события, можно же, где надо, соломки подстелить, а где и газу дать! Это все равно, что на какую-нибудь и так мощную пушку восемнадцатого века добавить электронное управление, чтобы повысить точность стрельбы многократно. О, тогда историю можно хорошо перекроить под себя! Ну что, господа европейцы и американцы, вы давно привыкли играть в мировые карты по своим правилам. Если же начинаете проигрывать, то, как настоящие джентльмены меняете правила. А как вам перспектива сыграть с противником крапленными картами? Его крапленными картами? – в волнении Александр попытался вскочить со своего непритязательного ложа, но тут же получив в лоб от деревянного бруса, державшего потолок, рухнул обратно. – Правильно! Не надо увлекаться. Все делать нужно осторожно. Иначе не во сне, а наяву угадишь на плаху. Это восемнадцатый век. Церемониться не будут».

За дверью раздался шорох. Александр тут же схватил автомат. Тихо клацнул предохранитель. Несколько минут прошло в тягостной тишине.

Вчера, когда прошла горячка желания попасть обратно в свой родной знакомый двадцать первый век. Когда он понял, что полуобгоревший стог сена, это все же обычная жрачка для коровы, а не замаскированный телепортал в другое время, неизбежно встал вопрос: «Что делать?». А еще более конкретно, где достать поесть и где переночевать. Стог сена не подходил ни для первой потребности, ни для второй.

– Герасим, а до ближайшего города далеко?

– До Бахмута то? Далеко барин. Больше двадцати верст будет. Да и нельзя сейчас ехать-то. Глянь на небо, вишь как замолаживает<sup>7</sup>. Может и выюга быть. Застанет в поле – беда.

Видя, что «антихрист» колеблется, мужик торопливо продолжил:

– Барин, ты кумекаешь, где переночевать? Да и поесть не мешало.

– А ты что скажешь? – спросил Александр.

– Тутя в двух верстах Козьмин зимовник есть. Там тока три двора. Один вообще на отшибе. Там и заночевать можно.

Чернышев глянул в глаза своему вознице, пытаясь понять, что тот задумал. Ведь фактически сейчас простоватый на вид Герасим предлагал захватить крайнюю хату и там переночевать. Но в крестьянских глазах ничего понять было невозможно. Саша успел узнать, что тому двадцать пять лет. Женат. Двое детей. Обычный крестьянин, один из миллионов на Руси. Эти миллионы из года в год пахали, сеяли, растили детей и умирали в сорок-пятьдесят лет, прожив трудную, без особых радостей жизнь. Но на этих миллионах человечков росла и крепла империя.

– Хорошо... поехали, – приказал Александр.

Через два часа слева показался зимовник.

– Останови. Пусть стемнеет.

Герасим понимающе кивнул головой и свернул немного

---

<sup>7</sup> Замолаживать – клониться к ненастью.

вправо, чтобы небольшой холм полностью скрыл лошадь с санями от трех хат, притулившихся к небольшому леску.

К хате, стоящей на отшибе подходили, когда на небе одна за другой стали зажигаться звезды. В лае зашлась собака и почти сразу же отворилась дверь. На пороге возник мужик с топором в руке.

– Влас, это я Герасим.

– Че на ночь гляючи? А рядом кто?

В Бахмут ему надоть. На ночлег просится. Хорошо запла-тит. Пятак. Ну как, сгодили<sup>8</sup>?

– Хорошо. Но еды для вас у меня нетути.

– У нас есть чем брюхо набить.

Хата была почти копией той, в которой Чернышев очнулся после перемещения в восемнадцатый век. Разве что печь не была украшена синими крестиками. Да стол здесь был подлиннее. Последнее тут же нашло свое объяснение. Помимо хозяина в хате была его жена и пятеро детей. Самый маленький спал в люльке, привязанной к потолку слева от печи.

Увидев в руках Чернышева оружие, мужик попятился, а Александр растерялся. Такого количества народу, особенно детей он встретить не рассчитывал. Но делать было нечего. Никакого пятака за ночлег у него не было.

Да и засыпать среди абсолютно незнакомых и даже враждебно настроенных людей, было верхом легкомыслия. Чернышеву вспомнился эпизод со своего недавнего прошлого,

---

<sup>8</sup> Сголдить – сговорить, сладить.

когда в боях за Дебальцево «сомалийцы» вошли в небольшую деревеньку. В одном из домов, по данным разведки, жили люди, лояльно настроенные к киевским властям. Конечно, ожидать, что его хозяева окажут вооруженное сопротивление и встретят новороссов огнем, было маловероятно. Но маловероятно это не синоним исключено. Никто не хотел своей жизнью проверять выкладки теории вероятности.

Правда, в этот дом все же входили не так как, при зачистке территории – первой гранату с выдернутой чекой туда не закатывали. Но обязательное блюдо – крик: «Всем на пол. Руки за голову» хозяевам преподнесли.

Александр навел на хозяина хаты автомат и скомандовал Герасиму:

– Вяжи ему руки.

– Не взыщи, Влас, – Герасим подошел к мужику, вытащил из-за пазухи веревку. – Не по своей воле, – и стал вязать тому руки.

Увидев происходящее, заголосила жена хозяина:

– Ой, не убивайте! Не лишайте кормильца! Пять деток у нас, – женщина рухнула на колени.

– Дура баба! Замолк! – закричал Герасим. – Никто убивать не будя!

От крика подняли гвалт дети. За дверью, ведущей в хлев, пристроенный прямо к дому, замычали коровы.

– Матрена, успокой свой выводок!

«О, Господи, только бы не пришлось стрелять, – «сома-

лиец» отлично понимал, что если на крики сбегутся соседи, то крови не избежать. Быть сожжённым как антихрист в его грандиозные планы не входило.

Но довольно приличное расстояние до других хат зимовника и поднявшийся ветер, дующий в нужном направлении, помогли Александру. Постепенно крики стихли. Герасим связал руки женщине и старшему сыну Власа, парню лет двенадцати-тринадцати.

– Погодь, – Саша остановил своего подручного, который собирался вязать руки следующему сыну мужика – мальчишке, лет десяти.

– Как звать? – обратился он к этому пацану.

– Фомой кличут, – испуганно ответил тот.

– Фома, завяжи руки этому дяденьке, – Чернышев кивнул на Герасима.

Тот дернулся, хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой.

«Ну да. Завязать тебе руки, это выпустить калаш из рук. А меряться силами с крестьянином восемнадцатого века мне как-то не улыбается. А вообще не завязывать – надо быть идиотом».

Проверив узлы у мужиков и женщины, Александр быстро накрутил веревку на руках хозяина хаты. Оставалась девушка семи-восьми лет, еще один пятилетний пацаненок и дитя в колыбели. Взглянув в испуганные детские глаза, бывший «сомалиец» махнул рукой:

– Теперь все в хлев. Завтра утром выпущу. И тихо си-

деть! – Чернышев закрыл дверь и задвинул деревянный засов. Ту же процедуру он проделал и с входной дверью.

«Засовчик так себе. На один хороший удар ногой. Но шум, если что будет. Надеюсь, проснуться успею».

Потом Александр провел ревизию всякой посуды, стоящей в печи. К своей радости обнаружил там немало съестного. В одном чугушке было, что то похожее на борщ или щи. Во втором ароматная гречневая каша. На отдельной дощечке лежал овал ржаного хлеба.

Через полчаса по телу разлилось приятное тепло сытости, а вместе с ним и усталость. Парень сбросил с себя тулуп, немного поколебавшись, снял бронежилет и залез на печь.

«Так закончился его первый день в восемнадцатом веке, – это последнее, что он успел подумать, прежде чем провалиться в сон, чтобы оказаться в объятиях Екатерины.

Теперь этот подозрительный шорох за входной дверью. Саша бесшумно, не выпуская из рук автомата, скользнул с печи. Мгновенно, движениями, доведенными до автоматизма, надел броник. В тот же миг от сильного удара входная дверь распахнулась. На пороге возник мужик. Наперевес он держал фузею. За его спиной угадывались еще люди. Увидев «антихриста», мужик радостно оскалился и в тот же миг из дула его оружия вырвался сноп пламени.

В грудь Александру, будто с маху заехали молотком. Удар был настолько силен, что он спиной ударился о печь. С ревом в хату стали вбегать какие-то мужики. В этом гвалте

неслышно цокнул переводчик огня калаша, становясь в положение для автоматической стрельбы.

Бородачу с фузеей досталось две пули в грудь, мгновенно сбившие его с ног. Дальше более длинная очередь в набегавшую толпу. С такого расстояния пули прошивали тела на вылет, чтобы тут же найти себе очередную жертву. За минуту все было кончено. Пять мужиков валялось на полу, так и не успев понять, отчего они умерли.

«Вот, блин! На Донбассе ни разу не зацепило, а тут на второй день уже получаю в грудь пулю. Хорошо броник успел надеть. А так бы все мои наполеоновские планы накрылись медным тазом, – Чернышев встал на ноги и подошел к трупам. – Да что же это такое. Своих же мужиков убиваю!»

Он не так бы сокрушался, узнай, что сейчас расстрелял шайку разбойников Пахома, на счету которой немало загубленных жизней и служивых людей, как тогда называли военных и чиновников, и мужиков.

Несмотря на то, что с середины шестнадцатого века стал активно развиваться соляной промысел и на Донбассе выросли первые городки – Бахмут и Тор (ныне знаменитый Славянск), край этот еще в восемнадцатом был малонаселенным. Особо не добавили численности и донские казаки, которые с середины семнадцатого века появились на этой территории, пришедшие за той же солью. Из-за усиливавшегося давления государства на юг начали массово убегать жители Великой и Малой Руси. Как правило, это были бедня-

ки, которые пополняли ряды голытьбы – бесправных казаков, по сути, не являющихся полноправными членами общества. Из-за своего положения они были склонны к грабёжам и убийствам, часто устраивала набеги на соседей и для заработка всегда были готовы взяться за оружие. Если народишко уж сильно начинал бузить, то с Центра снаряжалась карательная экспедиция. Например, так было при Булавинском восстании донских казаков, захвативших Бахмут, на то время административный центр Донбасса. Расправа была скорой. Под предводительством светлейшего князя Меншикова бунтовщики были разбиты. Уцелевшие мятежники сдались и просили пощады, но «воровское местечко Багмут взято и сожжено, а жители переколоты и перебиты до смерти». Лишь при воцарении Екатерины Второй российский двуглавый орел окончательно распростер свои крылья над Донбасом и навел здесь порядок.

Ну, а пока, в 1761 году имперская власть фактически была лишь в многострадальной крепости Бахмут, где стоял военный гарнизон численностью до тысячи человек при шестидесяти пушках и шестнадцати мортирах. На остальной территории вся жизнь укладывалась в чеканную формулу: «Кто сильней, тот и прав».

«Ну и что дальше делать? Не воевать же с калашом со всей Российской империей? Сдаться властям? А что говорить? Что я из будущего и в качестве доказательства предъявить автомат? И что дальше? Допустим, мне поверили и не отру-



били голову, как разбойнику. В лучшем случае меня будут рассматривать как диковинку. Потребуют рассказать, что будет дальше. Что я скажу? Вам, Елизавета Петровна, осталось жить совсем ничего. А Ваша невестка, немецкая принцесса Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская через полгода после Вашей смерти свергнет с престола Вашего племянника Петра Федоровича и практически сразу же умертвит. Интересно, после этого меня сразу на дыбу вздернут? Если начну врать, то тут же буду объявлен шарлатаном. Значит снова, милости просим, на дыбу. А даже чудом как-то пристроившись при дворе, я стану орудием в руках различных политических партий. Меня будут втягивать в заговоры и прочие милые штучки, характерные для российского истеблишмента восемнадцатого века. Я всегда буду чужаком, не своим. Место Потемкина я не займу точно. Значит, сдаваться властям, смысла нет. Огромная вероятность просто оказаться на дыбе. Какие еще есть варианты?» – размышления Александра прервал стон.

Мужик, пальнувший в него из фузеи, зашевелился. Чернышев перевернул его на спину. Расстегнул тулуп, за ним телогрейку, рванул окровавленную рубаху. Отчетливо стали видны два пулевых отверстия, из которых толчками выплескивало кровь.

Александр неожиданно вспомнил, что у него, в нагрудном кармане куртки должен быть бинт и шприц-тюбик с промедолом – сильным обезболивающим, применяемым в россий-

ской армии. Парень быстро сбросил с себя бронежилет, дернул «молнию» куртки. Есть! Быстро оголил раненному мужику грудь и сделал перевязку.

«А ведь я использовал весь стерильный бинт. Случись что, и перевязать будет нечем...», – запоздало мелькнуло в голове Александра.

За дверью в хлев зашелся плачем ребенок.

«Надо выпускать. Надо же детей кормить. И хуторяне сейчас могут на выстрелы пожаловать. Черт! Опять проблемы пошли, успевай только отмахиваться. Вернее отстреливаться. Уходить отсюда надо! – Чернышев подскочил к двери, отодвину засов. – Выходи!

Увидев пять окровавленных тел у себя в хате, женщина ойкнула и затолкала детей обратно в хлев.

– Они сами на меня напали. Этот даже в меня выстрелил, – Александр с удивлением поймал себя на мысли, что оправдывается.

– Господи, страсти какие! Смертоубийство! – хозяин хаты истово перекрестился.

Герасим с опаской подошел к трупам.

– Слышь, Влас. Кажись это Пахома шайка, – тихо произнес он. – Ну да. Вот он и сам лежит, – кивок на перевязанного мужика.

– Уходим, Герасим! – скомандовал Чернышев.

– Погодь, барин! Руки то мне ослобони, – в голосе Герасима не было никакой обиды.

– Ах, ну да! – Александр быстро развязал руки своему вознице, а затем и старшему сыну хозяина хаты. – Уйдем, развяжешь остальным. Пошли, Герасим!

– Барин, погодь. Надо Пахома взять.

– Зачем?

– В санях скажу, – и больше не спрашивая разрешения Чернышева, схватил лежащего Пахома под мышки и потащил к входной двери. – Фузею заberi и ножи прихвати! – крикнул он уже со двора.

Александр схватил тяжелое оружие, подобрал два валявшихся на полу ножа. Еще один был зажат в руке трупа.

– Все, что найдешь у них – твое, – крикнул он Власу и выбежал из хаты.

Через десять минут сани с тремя людьми тяжело катились по узкой дороге. Морозный воздух приятно освежал лицо. Приятно хрустел под полозьями искрящийся в лучах утреннего солнца снег. Все это великолепие взбодрило пришельца из двадцать первого века.

«Все у меня получится! Я обязательно воспользуюсь тем пинком, которым Судьба меня закинула сюда. Я стану настоящим Потемкиным!» – и Александр залихватски громко зашвистел.

\* \* \*

**В районе Афонова зимовника (в шести верстах от**

## Ильинки). Тот же день

«Восемнадцатый век по сравнению с двадцать первым имеет свои прелести. В двадцать первом, устрой я такой там-тарарам, меня бы давно скрутил ОМОН. А здесь информация обо мне наверняка даже до Бахмута не дошла. Вот только как воспользоваться такой грандиозной форой по времени я еще пока даже не представляю», – Александр Чернышев ткнул Герасима в плечо:

– Долго еще?

– Да не, барин, версты четыре еще. До заката доедем.

«Блаженный восемнадцатый век! До заката еще часа два, как минимум. За это время в двадцать первом веке можно, особо не напрягаясь, за сотню километров уехать, а то и тысячу. За прогресс надо платить. Сами же разкочегарили цивилизацию, а теперь не успеваем за ней. Уже булками шевелить мало. Сейчас они как поршни в движке болида должны ходить», – Александр наклонился над раненым разбойником.

Тот лежал с закрытыми глазами. Цвет кожи на лице из красновато-коричневого стал каким-то серым. Дыхание из приоткрытого рта вырывалось с каким-то бульканьем. С уголка рта чуть сочилась кровь.

«Легкие я ему разворотил. Без операции не выживет. А какая здесь операция?»

– Герасим, не довезем мы разбойника. Кровью изойдет.

– Ниче, барин, даст Бог, поживет еще сей разбойник.

Зачем Герасиму нужен был Пахом, тот объяснил, как только они на версту отъехали от зимовника.

– Барин, шайка Пахома чай больше года воровским промыслом занималась. Серебра и золотишка у них есть маленько. Вот пушай и поделиться с нами. Приедем к нему на зимовник, Пусть рассказывает, где схоронили богатство.

– А ежели не поделиться?

– Поделиться, барин!

Александр глянул в глаза Герасима и понял, что тот заставит «поделиться».

– А вдруг на том зимовнике еще кто будет? Ежели не вся шайка сюда пришла?

Ответ Герасима был прост и безыскусен:

– А что, барин, твоя фузея уже не может палить?

Чернышев согласился с планом своего возницы. Даже если вновь придётся палить. Деньги во все времена помогали жить. Это такой же фундаментальный закон, как и закон всемирного тяготения. Только в природе, чем дальше находишься от тела, тем меньше на тебя действует его притяжение. А у людей, чем больше у тебя денег, тем слабее действуют на тебя законы государства. Может в Российской глухомани образца 1761 года люди и власть не так безоговорочно преклонялись золотому тельцу, как на Украине образца 2015 года, но все равно имея звонкую монету в кармане, сделать было можно очень многое. Действительно, смешно атаковать вершины власти Российской империи без гроша в кармане.

Пусть даже у тебя в руках калаш с полупустым рожком.

«Кстати, а сколько осталось патронов?» – Чернышев отстегнул магазин, отщелкал из него патроны. – Четырнадцать плюс один в патроннике. Итого пятнадцать. Не густо. И военторга здесь не предвидится».

Утром, на приятном морозце, по дороге на зимовник, где организовала свою «штаб-квартиру» банда Пахома, Александр более ясно обдумал свой эротический сон с Екатериной Второй. На свежую голову все представлялось не так уже и красиво. В 1761 году в тогдашнем российском истеблишменте фактически только умирающая Екатерина Петровна была за продолжение войны с Пруссией. Дочь Петра Великого оказалось патриоткой в пронизанной выходцами из Пруссии российской элите. Ее племянник, Петр Федорович, официальный наследник престола, урожденный Карл Петер Ульрих, был представителем Гольштейн-Готторпской ветви Романовых. Родился он в Голштинском герцогстве, считал родным немецкий язык, боготворил прусского короля Фридриха и был на седьмом небе от счастья, получив от него звание генерал-лейтенанта прусской армии. Все русское Карл Петер Ульрих ненавидел и презирал. История сохранила его слова, когда узнав, что его дядя стал шведским королём (Петр Федорович, не согласись наследовать российский престол, мог претендовать на шведский), он с горечью воскликнул: «Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда как если бы остави-

ли меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа». Что такому человеку было до десятков тысяч русских жизней, положенных за захват Восточной Пруссии вместе с Кенигсбергом? Ровным счетом ничего.

Но Александр рассчитывал каким-либо образом умертвить это недоразумение на российском престоле до того, как он подпишет сепаратный мир с Пруссией и отдаст будущий Калининград назад. Но была еще великая княгиня, Екатерина Алексеевна, урожденная София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, чистокровная немка, появившаяся на свет в городе Штеттине. Ее отец состоял на службе у Фридриха, а мать его пылкой поклонницей. Злые языки утверждают, что не без взаимности. Попад в российскую столицу, София Фредерика очутилась в гуще всевозможных интриг, густо замешанных на политике, деньгах и адюльтере. Великая княгиня, будучи отвергнута как женщина своим супругом, вначале познала третью грань интриг – адюльтер. Первым её любовником или, как тогда говорили амантом, стал граф-красавец двадцати шестилетний Сергей Салтыков. Высоколобый, черноволосый с безупречно галантными манерами он легко завоевал одинокое сердце молодой женщины. Правда, имеются веские доказательства, что Салтыкова Екатерине подсунил канцлер Российской империи, хитрый старый лис Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. И действовал он по велению... императрицы Елизаветы Петровны! Самодержица, будучи тогда еще относительно здоровой, была очень озабо-

чена отсутствием детей у Петра и Екатерины. Может тогда, видя полную бездарность своего племянника, она тайно лелеяла план возвести на престол его сына. Ведь по указу ее отца, Петра Великого, именно самодержец выбирал себе наследника, а не законы природы и крови. Вот и решила она осуществить такое своеобразное экстракорпоральное оплодотворение невестки. В данном случае экстра – вне, снаружи можно трактовать, как оплодотворение вне дома Романовых. По крайней мере, история, сохранила любопытную записку канцлера своей государыне, написанную сразу после рождения у Екатерины сына Павла: «... что начертанное по премудрому соображению Вашего Величества восприняло благое и желанное начало, – присутствие исполнителя высочайшей воли Вашего Величества теперь не только здесь не нужно, но даже к достижению всесовершенного исполнения и сокровению на вечные времена тайны было бы вредно. По уважению сих соображений благоволите, всемилостивейшая государыня, повелеть камергеру Салтыкову быть послом Вашего Величества в Стокгольме, при короле Швеции». И граф Салтыков отправился вон из Петербурга!

Тогда же Екатерина Алексеевна, освоив адюльтер, окунулась в следующую ипостась интриг – политическую. В этой мудрёной науке у нее был лучший на то время в России учитель – канцлер Бестужев!

Алексей Петрович Бестужев был гений всевозможных дворцовых и международных интриг. С легкостью предавал



одних союзников в пользу других. Дважды был приговорен к смертной казни. Был узником Шлиссельбургской крепости, но окончил свои дни в мягкой постели, окруженный родней и славой в ранге генерал-фельдмаршала, награжденный высшей наградой Российской империи – орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Но этого человека ни в коем случае нельзя считать беспринципным. Союзники менялись, но неизменным было одно для этого пленца гнезда Петрова – верное служение Отчизне.

Он быстро понял всю никчемность голштинского отпрыска и задумал свою последнюю интригу. Видя, что здоровье императрицы Елизаветы Петровны быстро ухудшается, он решил организовать дворцовый переворот после смерти своей государыни и передать власть сыну Екатерины Павлу, которому на тот момент было пять лет, минуя Петра Федоровича. До совершеннолетия Павла регентом при нем должна стать его мать.

Началась интенсивная организация заговора, подбор его участников. Великая княгиня Екатерина Алексеевна, давно к тому времени понявшая, что значит быть правителем огромной империи, по сравнению с которой ее родная Померания, да и вся Пруссия была просто козявкой, охотно согласилась на предложение Бестужева. Впрочем, согласилась – это не совсем точно. В 1759 году Екатерине исполнилось тридцать лет. Она давно уже не была скромной, застенчивой и испуганной Фике. Сильный характер, ум и же-

лание власти сделали из нее настоящего придворного бойца, готового поставить на кон все ради достижения своей мечты – трона Российской империи. В отличие от своего мужа, она отлично понимала насколько он весомей по сравнению со шведским престолом. Роскошное кресло по сравнению с детским стульчиком. Россия многократно богаче и влиятельней Швеции, которую Петр Первый навсегда вычеркнул из списка великих держав, одержав блистательную викторию под Полтавой. Поэтому она и без Бестужева начала думать, как обойти своего супруга. В принципе, проверенный способ был – гвардия. Ведь так захватила власть и Елизавета Петровна, которая, опираясь на гвардейские штыки, сбросила с престола Анну Леопольдовну, урожденную принцессу Мекленбург-Шверинскую. Но той было легче, она была дочь Петра великого. Поэтому Елизавете было достаточно прийти в гвардейские роты и сказать: «Вы знаете, кто я»? Потом встать на колени, поцеловать крест и воскликнуть: «Клянусь этим крестом умереть за вас! Клянётесь ли вы служить мне так же, как служили моему отцу»? Все! Вдохновлённая гвардия с радостью скинула опостылевшую немчуру.

Но Екатерина Алексеевна сама была той самой немчурой! Поэтому она действовала тоньше. Она провела тайные переговоры с Кириллом Разумовским, командиром одного из гвардейских полков и братом фаворита Елизаветы Петровны Алексея Разумовского. Бестужеву пришлось лишь чуть-чуть усилить действия великой княгини. Чуть-чуть – это свести

ее английским послом Уильямсом, который выделил Екатерине на подарки и подкупы гвардии 10 тысяч фунтов стерлингов. Для сведения – английский фрегат в 18 веке стоил 2600 фунтов стерлингов.

Но здоровье императрицы неожиданно пошло на поправку, и заговор был раскрыт. Подсобил французский посол Лопиталь. К тому времени, когда Александр Чернышев оказался в 18 веке, канцлера Российской империи уже год, как арестовали, судили и приговорили к смертной казни. Все это время он просидел в Шлиссельбургской крепости, каждый день ожидания исполнения приговора – четвертования. Лишь в апреле 1760 года Елизавета Петровна его помиловала и отправила в ссылку.

Перед арестом Бестужев успел уничтожить все компрометирующую переписку с Екатериной, поэтому последняя отделается легким испугом. Впрочем, нервы ей тоже изрядно потрепали и если бы не хладнокровие великой княгини, неизвестно чем все могло закончиться. Но она сумела добиться личной аудиенции с Елизаветой Петровной и убедить государыню в своей безоговорочной преданности российскому престолу и законам, определявшим порядок престолонаследия.

«В июле 1760 года Екатерина познакомилась с Григорием Орловым. Тот за спиной своего шефа Петра Шувалова опылял его любовницу, княгиню Ленку Куракину. Был пойман на горячем и со скандалом переведен в фузилёрный грена-

дерский полк. Говоря современным языком, благодаря такому пиару, парень стал известен в столице, в том числе и Екатерине. Той, конечно, захотелось прокатиться на столь отменном жеребце. Так что сейчас, в феврале 1761 года между ними бурный роман. Но пока у них общая только постель и никаких политических проектов. Бестужев в ссылке, посол Уильямс выслан из страны, – Александр Чернышев быстро перебирал в голове события бурной российской истории второй середины 18 века. – Когда же Екатерина доверилась Орлову? Когда он стал для нее орудием захвата власти? Фике родит от Орлова сына 22 апреля 1762 года. Отнимаем девять месяцев и получаем 22 июля 1761 года. Получается, зачатие произошло примерно в это время. Значит, доверилась она ему в это время! Умная женщина не будет рожать от мужчины, которому не доверяет. Это тебе не залет какой-нибудь пэтеушки. Сейчас конец февраля. То есть у меня пять с хвостиком месяцев, чтобы заменить Гришку в постели Екатерины. Потом это будет сделать намного труднее. Надо спешить!

Уже меньше года осталось до смерти Елизаветы Петровны. Власть перейдет к мужу Екатерины Петру, который станет императором Петром Третьим. Он тут же прекратит военные действия с Пруссией, подписав с Фридрихом мирный договор. Поэтому, если я хочу этому помешать, то должен вышибить с постели Екатерины этого богатыря Орлова!» – Чернышев от возбуждения даже привстал на санях.

– Потерпи, барин. И так прытко едем. Скоро и Афонин

зимовник покажется.

Александр, ничего не ответил, вновь сел на сено в санях. Морозный ветер чуть охладил голову, успокаивая бег мыслей.

«Правда даже в этом случае не факт, что вместо Петра этот договор не подпишет Екатерина. Ведь она же немка, да и английский король ей дал кучу фунтов стерлингов. А Англия тогда была союзницей Пруссии. Ну да ладно. Это потом. Сейчас же главное – это заменить в амурных делах Гришку Орлова, опытного сердцеда, гуляку и смелого воина. Эх, мне бы опыт Кольки Неверова! Тот, кого хочет охмурит. Правда, я тоже не мальчик и кой-какой опыт имеется. Плюс огромная информация по сексу, которую успел наработать бесстыдный двадцатый и двадцать первый век. Дайте мне точку G и я завоюю весь мир! Но мне надо срочно попасть в Петербург! И для этого золото банды Пахома будет совсем не лишним», – мысли Чернышева прервал возглас Герасима.

– Ну вот, барин, вишь четыре хаты стоят. Это и есть Афонин зимовник.

\* \* \*

**Крепость Бахмут, Российская империя. Тот же день**  
– Господин маеор, вот те крест, все так и было, как я ска-  
зываю. Бомба его шесть человек сразу убила! Стену разво-

ротила! А фузея у него сразу по несколько раз палит!

– Ой, брешешь ты, Лука! Признавайся, намедни горилку пил? – офицер в красивом красном камзоле, сидя за столом, ехидно посмотрел на стоявшего перед ним мужика, мнущего в руках шапку.

– Так, дык, зима ж, Ваше благородие! Кто ж ее окаянную не пьет?! Но я ничего не перепутал! Ей Богу! – мужик истово перекрестился. – Он как с Герасимом уехал, я помысли и решил доложить властям. Ведь большой непорядок.

– Ой, смотри, Лука. Если спьяну сказки тут свои мне брешешь, быть тебе поротым!

– Да, как можно ж так брехать, господин маеор! В селе бабы воют! Шесть покойников враз!

Мужчина за столом был явно озадачен. По виду мужика было видно, что тот не врет. За долгие годы службы он всякое видывал и научился быстро распознавать хитрости нижних чинов и всякого мужичья. Но слишком фантастичной выглядела вся эта история. Можно, конечно было вытолкать мужика взащей и дело с концом. Но если тот сказал правду? И потом выяснится, что он, господин маеор, комендант крепости Бахмут, мер никаких не предпринял?! Ведь дело явно государственной важности! А ну как мужик не угомонится, да еще крикнет: «Слово и дело государево»?

«Нет, это дело надо непременно расследовать», – принял офицер решение.

– Господин, подпоручик, – гаркнул он.

На его крик в комнату вошел молоденький военный с легким румянцем на щеках.

— Вот что, голубчик. Возьми десяток соколов с первой роты и поезжай в это село Ильинка. Там, по словам Луки, — кивок в сторону мужика, — чуть ли не антихрист объявился. Людей зря побил каким-то невиданным оружием. Так ты этого антихриста захвати и сюда доставь. А ежели Лука тут мне сказки сказывал, и все это окажется рассказни, придуманные по пьяни, то прилюдно всыпешь ему пятьдесят плетей.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.